

Первое место в рейтингах
Sunday Times, New York Times

САРА ПИНБОРО

В ЕЁ ГЛАЗАХ

ТРИЛЛЕР
ГОДА.
НЕ ПРОЧИТАТЬ
НЕЛЬЗЯ!
Evening
Standard

Таинственная,
электризующая книга
с невероятной
концовкой.

ХАРЛАН КОБЕН

Annotation

Как поступить женщине, влюбленной в своего босса и в то же время связанной тесной дружбой с его женой? Тем более что сам Дэвид, начальник Луизы, в нее влюблен. Сердце ее подсказывает, что надо разрубить гордиев узел и резко порвать с обоими. Луиза уже готова принять тяжелое для нее решение, как неожиданно выясняется, что образцовый с виду брак красавицы-подруги и ее идеального мужчины-начальника на самом деле далеко не безоблачен. А чем больше всплывает подробностей, тем более пугающая вырисовывается картина, и запутанная любовная история превращается в криминальную драму, финал которой непредсказуем.

Сара Пинбороу

В её глазах

Трое могут хранить секрет, если двое из них мертвы.

Бенджамин Франклин

Таши с благодарностью.

Никаких слов тут будет недостаточно. Спасибо за все — и с меня причитается.

Sarah Pinborough
BEHIND HER EYES

Copyright © Sarah Pinborough Ltd., 2017
All rights reserved

Раз в час ущипнуть себя и произнести: «Я не сплю».

Взглянуть на свои руки. Пересчитать пальцы.

Посмотреть на часы, отвести взгляд, снова посмотреть на часы.

Сохранять спокойствие и сосредоточенность.

Думать о двери.

Когда со всем было покончено, уже почти светало. По темному холсту небес пролегла серая полоса, выписанная неровными мазками. Его джинсы были все в налипшей грязи и прелой листве, каждую косточку в тщедушном теле ломило: он успел взмокнуть и теперь ежился на холодном, пронизывающем ветру. Возврата не было. То, что он сделал, было ужасно, но необходимо. Конец и начало, два в одном, отныне и навеки связанные воедино. Он ожидал, что мир изменит свои цвета, подстроится под перемену, но и земля, и небо по-прежнему сохраняли приглушенные тона, и деревья даже не думали волноваться в гнев, и не рыдал в их кронах ветер, и не выли вдали сирены. Лес как лес, земля как земля. Он вздохнул полной грудью, и это ощущение оказалось на удивление приятным. Ощущение чистоты. Нового рассвета. Нового дня.

Он молча зашагал в сторону дома, черневшего в отдалении. Назад ни разу не оглянулся.

Адель

К тому времени когда Дэвид наконец приходит домой, я уже оставляю бесплодные попытки вычистить из-под ногтей забившуюся грязь. Поврежденная кожа под ногтевыми пластинами саднит. Когда хлопает входная дверь, внутри у меня словно что-то обрывается, вздымая откуда-то со дна души новую волну липкого страха, и какое-то время мы молча смотрим друг на друга с противоположных концов длинного коридора в нашем новом викторианском доме, разделенные полосой безупречно отполированного дерева. Потом он, слегка пошатываясь, направляется в гостиную. Я делаю глубокий вдох и иду за ним, вздрагивая от каждого сухого щелчка собственных каблучков по деревянным половицам. Только не бояться. Мне нужно все исправить. *Нам* нужно все исправить.

— Я приготовила ужин, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос не звучал слишком жалобно. — Всего лишь бефстроганов. Он спокойно доживет до завтра, если ты вдруг уже поел.

Его взгляд устремлен в противоположную от меня сторону, на книжные полки, где нанятые для переезда люди уже успели расставить книги. Я изо всех сил стараюсь не думать о том, как долго он отсутствовал. Этого времени мне хватило, чтобы убрать разбитое стекло, подмести и отмыть пол и привести в порядок сад. Ничто в доме больше не напоминает о недавней буре. Тщательно полощу рот после каждого бокала вина, выпитого в его отсутствие, чтобы он не почувствовал запаха. Он не любит, когда я пью. Бокал-другой в компании — еще куда ни шло. Ни в коем случае не в одиночестве. Но сегодня у меня просто не было сил удержаться.

Хотя вычистить грязь из-под ногтей до конца мне так и не удалось, я приняла душ, надела голубое платье и такого же цвета туфли на каблуках, слегка подкрасилась. Никаких следов слез и ссоры. Пусть все это останется в прошлом. Мы же решили начать все сначала. С чистого листа. Мы просто обязаны это сделать.

— Я не хочу есть.

Он поворачивается и устремляет на меня взгляд, полный молчаливого отвращения, и я с трудом подавляю желание закричать. Эта пустота даже хуже, чем его ярость. Все, что было создано мной с таким трудом, рушится на глазах. Не важно, что он опять пьян. Я хочу лишь, чтобы он снова любил меня, как когда-то. А он даже не замечает ничего из сделанного мной в его отсутствие. Как много всего я успела. Как хорошо я выгляжу. Как я стараюсь, стараюсь изо всех сил.

— Я иду спать, — заявляет он.

В глаза мне смотреть он избегает, и я понимаю, что он имеет в виду гостевую комнату. Всего два дня прошло с тех пор, как мы начали все сначала, а он уже не желает со мной спать. Я просто физически чувствую, как расширяются трещины в наших отношениях. Очень скоро они станут непреодолимыми. Он тщательно обходит меня по кривой, и мне отчаянно хочется коснуться его локтя, но я боюсь его возможной реакции. Кажется, я вызываю у него омерзение. А может, это омерзение к себе самому, выплескивающееся в мою сторону.

— Я люблю тебя, — произношу я тихо, ненавидя себя за эти слова.

Он ничего не отвечает и, пройдя мимо меня как мимо пустого места, нетвердым шагом поднимается по лестнице. Я слышу его удаляющиеся шаги, потом стук закрывшейся двери.

Некоторое время стою и тупо смотрю на место, где его уже нет, слушая, как рвется мое собранное из осколков сердце. Потом возвращаюсь на кухню и выключаю духовку. Не стану я оставлять этот несчастный бефстроганов на завтра. Он будет отравлен воспоминаниями о сегодняшнем дне. Ужин пошел насмарку. Наш брак пошел насмарку. Мне иногда кажется, что он хочет убить меня и покончить со всем этим. Избавиться от этой обузы. Наверное, где-то в глубине души я тоже хочу его убить.

Мне до смерти хочется налить себе еще бокал запретного вина, но я держусь. Я и так уже на грани слез и еще одного скандала просто не вынесу. Может, утром все снова будет в порядке. Я подменю начатую бутылку полной, и он ни о чем не догадается.

Смотрю на сад за окном, потом наконец выключаю наружное освещение и устремляю взгляд на собственное отражение в темном стекле. Я ведь красивая женщина. Слежу за собой. Почему он больше меня не любит? Почему все в нашей жизни не может быть так, как мне хотелось и мечталось, несмотря на все, что я для него сделала? У нас куча денег. Он выстроил карьеру своей мечты. Я всегда пыталась быть ему идеальной женой и создать для него идеальную жизнь. Ну почему он не может забыть прошлое?

Еще несколько минут я упиваюсь жалостью к себе, одновременно с этим протирая и полируя гранитные столешницы, потом делаю глубокий вдох и беру себя в руки. Мне нужно выспаться. Как следует выспаться. Приму снотворное и отключусь. Завтра все будет по-другому. Не может не быть. Я прощу его. Я всегда его прощаю.

Я люблю моего мужа. Я полюбила его с первого же взгляда и буду любить до последнего вздоха. Я не отступлюсь. Просто не могу отступить.

— «Давай без имен, ладно? И без подробностей о работе. И вообще, не будем о прозе жизни. Давай поговорим о настоящих вещах».

— Что, ты прямо так и сказала?

— Да. Ну, не совсем, — признаю`сь я. — Это он сказал.

Щеки у меня пылают. Два дня назад, за первым коктейлем, который, по-хорошему, в половине пятого пить было несколько рановато, это казалось романтичным. А сейчас больше походит на цитату из сопливой романтической комедии, причем не самого высокого пошиба. Тридцатичетырехлетняя женщина заходит в бар и клюет на сладкие речи мужчины ее мечты, который в итоге оказывается ее новым начальником. Господи, стыдоба-то какая. Надо же было так вляпаться.

— Ха, ну еще бы! — Софи заливается смехом и тут же спохватывается. — «О прозе жизни»! Вроде, ну, не знаю, того пустякового обстоятельства, что он женат. — Тут она видит мое лицо. — Прости. Я понимаю, что, строго говоря, это не смешно, и все-таки смешно. И я понимаю, что ты не слишком опытна по части мужчин и всего такого прочего, но как можно было после *этого* не понять, что он женат? Бог уж с ним, с тем, что он твой новый начальник. Это уже чистая невезуха.

— Это не смешно ни капельки, — говорю я, хотя сама улыбаюсь. — И вообще, по женатым мужикам у нас спец ты, а не я.

— Ну да.

Я так и знала, что разговор с Софи поднимет мне настроение. С ней весело. Вдвоем мы вечно хохочем. По профессии она актриса — хотя мы с ней никогда не обсуждаем, как так вышло, что за многие годы она так и не продвинулась дальше пары ролей трупов, — и, несмотря на свои многочисленные романы, давно и прочно замужем за каким-то музыкальным продюсером. Мы познакомились на курсах для беременных и, хотя жизнь у нас совершенно разная, сдружились. Уже семь лет прошло, а мы до сих пор пьем вино вместе.

— Ну, теперь ты тоже пошла по моей кривой дорожке, — озорно подмигивает она мне. — Спишь с женатым мужиком. Я сразу стала чувствовать себя не такой пропащей.

— Я с ним не спала. И я не знала, что он женат.

Последнее утверждение не вполне соответствует истине. Под конец вечера я была уже практически в этом уверена. Вот мы целуемся, хмельные от джина, он прижимается ко мне все настойчивей. Потом неожиданно отстраняется. В его глазах мелькает виноватое выражение. Он извиняется: «Я не могу». Надо быть совсем уж круглой душой, чтобы не догадаться.

— Ладно, Белоснежка. Я просто радуюсь, что тебя почти затащили в койку. Сколько времени у тебя уже никого не было?

— Я совершенно не хочу об этом думать. От того, что ты вгонишь меня в еще большую тоску, легче мне не станет.

Снова прикладываюсь к бокалу. В очередной раз тянет закурить. Адам уложен в постель и крепко спит; теперь до завтрака перед школой он не шелохнется. Я могу расслабиться. Ему

не снятся кошмары. Он не ходит во сне. Хоть в чем-то мне повезло.

— И вообще, это все Микаэла виновата, — продолжаю я. — Если бы она отменила встречу до того, как я там оказалась, ничего этого не случилось бы.

Впрочем, в словах Софи есть доля правды. Я уже сто лет даже не флиртовала с мужчинами, не говоря уж о том, чтобы с пьяных глаз целоваться. То ли дело она сама. Вечно окруженная новыми интересными людьми. Творческими личностями, которые живут как вольные птицы, пьют допоздна и ведут себя как подростки. Жизнь матери-одиночки в Лондоне, с горем пополам добывающей средства к существованию, работая секретарем на полставки у психиатра, не предполагает огромного числа возможностей куда-то ходить каждый вечер в надежде познакомиться с кем-то, не говоря уж о том, чтобы найти свою половинку, а «Тиндер» с «Матчем» и прочие сайты знакомств не для меня. Я, в общем-то, уже привыкла быть одна. Решила взять временную паузу от этого всего. А временная пауза взяла и превратилась в стиль жизни, хотя я его и не выбирала.

— Вот, это тебя взбодрит. — Софи вытаскивает из верхнего кармана своего красного вельветового жакета косяк. — Поверь мне, после того как ты курнешь, вся эта история покажется тебе куда более забавной. — Она усмехается при виде выражения моего лица. — Брось, Лу. Такое дело надо отметить. Ты превзошла самое себя. Склеила своего нового женатого начальника. Это гениально. Надо подкинуть кому-нибудь в качестве идеи для сценария фильма. Я могла бы сыграть себя.

— Отличная мысль. Деньги будут мне очень кстати, когда меня уволят.

Я не могу сопротивляться Софи, да и не хочу, и вскоре мы уже сидим на полу на балкончике моей крохотной квартирки с вином, чипсами и сигаретами, по очереди прикладываясь к самокрутке с травкой и хихикая.

В отличие от Софи, которая каким-то образом ухитряется до сих пор в чем-то оставаться подростком, в мою повседневную практику употребление анаши не входит — когда одна растишь ребенка, на это нет ни времени, ни денег, — но смеяться всяко лучше, чем рыдать, и я затягиваюсь сладковатым запретным дымком.

— Такое могло случиться только с тобой, — веселится она. — Так ты, говоришь, спряталась?

Я киваю, улыбаясь комичности ситуации в ее изложении.

— Мне просто ничего больше не пришло в голову. Я сбежала в туалет и отсиделась там. Когда я вышла, его уже не было. Он выходит на работу только завтра. Доктор Сайкс устраивал ему ознакомительный тур.

— В компании жены.

— Да, в компании жены.

Вспоминаю, как великолепно они выглядели вместе в тот краткий кошмарный миг моего прозрения. Красивая пара.

— И сколько же ты просидела в туалете?

— Двадцать минут.

— Ох, Лу.

Повисает молчание, потом вино и травка ударяют нам в голову, и нас пробивает на дикий смех. Несколько минут мы не можем успокоиться.

— Хотела бы я видеть твое лицо, — произносит наконец Софи.

— Ну а мне не очень хочется видеть его лицо, когда он увидит мое лицо.

Софи пожимает плечами:

— Это ведь он женат. Пусть ему и будет стыдно. Тебя ему упрекнуть не в чем.

Она пытается избавить меня от угрызений совести, но я по-прежнему чувствую легкие ее уколы вместе с потрясением. Я так и не отошла от впечатления: когда я увидела женщину рядом с ним, это было как удар под дых. А потом сломя голову бросилась прятаться. Его красавица-жена. Элегантная. Темноволосая, с оливковой кожей, чем-то неуловимо напоминающая Анжелину Джоли. Окружающий ее ореол таинственности. Стройность, граничащая с худобой. Полная противоположность мне. Она до сих пор стоит у меня перед глазами. Не могу представить, чтобы она стала в панике прятаться в туалете от кого бы то ни было. Встреча с ней задела меня неожиданно сильно, для одного-то пьяного вечера, и не только потому, что моя самооценка рухнула ниже плинтуса.

Дело в том, что он мне понравился — по-настоящему понравился. Я не могу сказать об этом Софи. О том, что я давным-давно уже так ни с кем не говорила. О том, какой счастливой я себя чувствовала, флиртуя с мужчиной, который отвечал мне тем же, и каким наслаждением было вспомнить, что такое предвкушение какого-то... обновления. Моя жизнь — это бесконечный день сурка. Я бужу Адама и отвожу его в школу. Если мне нужно на работу пораньше, закидываю его на утреннюю продленку. Если на работу не нужно, я могу часик побродить по коммисионкам в поисках случайных дизайнерских жемчужин, которые можно вписать в интерьер клиники — дорогой, но ни в коем случае не кричащий. Потом я готовлю, прибираюсь, хожу за покупками — и так до тех пор, пока Адам не возвращается домой, и тогда наступает время домашнего задания, ужина, купания, сказки на ночь и укладывания в постель для него и бокала вина и беспокойного сна для меня. Когда в выходные он уезжает к своему отцу, я слишком вымотана и не в силах заниматься чем-то более осмысленным, кроме как валяться на диване и пялиться в ящик. Мысль о том, что так я и буду жить, пока Адаму не исполнится по крайней мере пятнадцать, вызывает у меня тихий ужас, поэтому я предпочитаю об этом не думать. А потом встреча с тем самым мужчиной заставила меня вспомнить, как здорово что-то чувствовать. Быть женщиной. Вновь ощущать себя живой. Я даже хотела вернуться в тот бар и посмотреть, не заглянет ли он снова, чтобы найти меня. Но, разумеется, жизнь не романтическая комедия. К тому же он женат. А я повела себя как идиотка. Я не злюсь, мне просто грустно. Я не могу сказать Софи ничего этого, потому что тогда она начнет меня жалеть, а я этого не хочу. Лучше уж пусть считает, что это смешно. Это и в самом деле смешно. И я вовсе не сижу дома, оплакивая ночами свое одиночество, как будто нельзя жить полноценной жизнью и без мужчины. В общем и целом я довольна своей жизнью. Я взрослая женщина. Все могло бы быть гораздо хуже. Подумаешь, всего одна ошибка. Нужно жить дальше.

Я беру пригоршню чипсов. Софи делает то же самое.

— Худоба больше не в моде, — произносим мы синхронно и, засыпав чипсы в рот, вновь принимаемся давиться хохотом.

Я вспоминаю, как пряталась от него в туалете, в панике и растерянности. Умора. Вся эта история — сплошная умора. Конечно, завтра с утра, когда все выплывет наружу, мне, скорее всего, будет далеко не так весело, но пока что я могу смеяться сколько хочу. Над чем еще смеяться, если не над собственными промахами?

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю я позже, когда бутылка вина уже распита и вечер плавно подходит к концу. — Крутишь романы? Разве ты не счастлива с Джеем?

— Ну конечно счастлива, — отвечает Софи. — Я люблю его. Я же не все время ему изменяю.

Скорее всего, это правда. Она ведь актриса, она иной раз любит преувеличить ради красного словца.

— Но зачем вообще это делать?

Как ни странно, мы вообще практически никогда не обсуждаем эту тему. Она знает, что мне это неприятно, не потому, что она изменяет мужу — это, в конце концов, ее дело, — просто я знакома с Джеем и он мне нравится. Он ей подходит. Без него она бы пропала. Как, собственно, и было до него.

— У меня потребность в сексе выше, чем у него, — произносит она наконец. — И вообще, брак — это не про секс. Брак — это про то, чтобы быть рядом со своим лучшим другом. Джей — мой лучший друг. Но мы вместе уже пятнадцать лет. Страсть остывает. Нет, конечно, мы все еще этим занимаемся иногда, но уже не так, как это было раньше. Появление ребенка тоже все меняет. Когда за многие годы уже привык смотреть друг на друга как на родителей, а не как на любовников, трудно вернуть былой огонь.

Я думаю о собственном непродолжительном браке. В нашем случае страсть угаснуть не успела. Но это не помешало моему мужу через четыре года уйти к другой. Нашему сыну тогда едва исполнилось два. Наверное, Софи права. Я-то никогда не считала моего бывшего, Иэна, своим лучшим другом.

— Как-то это все грустно.

Я действительно так считаю.

— Как думаешь, он когда-нибудь тебе изменял? — спрашиваю я.

— Ну, увлечения у него определенно бывали. Была одна певичка, с которой он когда-то давно работал. Думаю, между ними на какое-то время что-то возникло. Но в любом случае это на нас не отражалось. По крайней мере, так, чтобы это стало заметно.

В ее изложении это звучит так рассудительно. А я могу лишь думать о боли предательства, которую испытала, когда ушел Иэн. О том, как это сказалось на моей самооценке. О том, какой никчемной я себя чувствовала в первые дни. Какой уродливой. Мимолетный роман, ради которого он меня бросил, продлился не слишком долго, но легче от этого мне не стало.

— Мне никогда этого не понять, — вздыхаю я.

— У всех есть секреты, Лу, — говорит она. — У каждого человека должно быть право на свои секреты. Невозможно узнать о человеке совсем все до конца. Ты сойдешь с ума, если будешь пытаться.

Когда она уходит, я убираю следы наших посиделок, а сама думаю: может, это Джей изменил ей первым? Может, это и есть тот секрет, который стоит за всеми ее постельными приключениями. Может, она делает все это ради того, чтобы почувствовать себя лучше или тайно поквитаться с ним. Кто знает? Наверное, я просто слишком много думаю. Я в этом деле большой специалист. Каждому свое, напоминаю я себе. Она, кажется, вполне счастлива, и мне этого довольно.

Сейчас всего-то чуть больше половины одиннадцатого, но я валюсь с ног. На минутку заглянув к Адаму, тихонько люблюсь им во сне — он безмятежно посапывает, свернувшись клубочком под одеялом с рисунком из «Звездных войн» и прижав к себе плюшевого мишку Паддингтона. Потом прикрываю дверь и ухожу к себе.

Просыпаюсь в темноте посреди ванной, стоя перед зеркалом. Не успеваю понять, где

нахожусь, как пульсирующей болью заявляет о себе голень, которую я умудрилась ушибить о невысокую корзину для грязного белья в углу. Сердце учащенно колотится, лоб в испарине. Мало-помалу реальность начинает обретать истинные очертания, и ночной кошмар рассеивается, оставляя в памяти лишь обрывочные воспоминания. Впрочем, я знаю, что в нем было. Снится мне всегда одно и то же.

Огромное здание, то ли старинная больница, то ли сиротский приют. Заброшенное. Где-то там, внутри, заперт Адам, и я знаю, знаю совершенно точно, что, если я не смогу добраться до него, он умрет. Он зовет меня, перепуганный до смерти. Ему угрожает что-то страшное. Я бегу по коридорам, пытаюсь отыскать его, и со стен и потолков ко мне тянутся тени, точно щупальца ожившего чудовищного зла, населяющего это здание. Они обвиваются вокруг меня, обездвиживают. В ушах, заглушая все, звучит крик Адама, и я пытаюсь вырваться из этих темных липких щупалец, исполненных решимости не дать мне прорваться к моему сыну, задушить меня и затащить в бескрайнюю тьму. Отвратительный сон. Он привязался ко мне, как тени из самого кошмара. Подробности могут слегка меняться от ночи к ночи, но сюжет неизменно один и тот же. Сколько бы раз он мне ни снился, я никогда не смогу к нему привыкнуть.

Ночные кошмары начались не после рождения Адама — они были у меня всегда, сколько себя помню, но до него я боролась за собственную жизнь. Оглядываясь назад, должна заявить, что это были цветочки, хотя тогда я бы так не сказала. Эти кошмары — проклятие всей моей жизни. Они лишают меня всякой возможности выспаться ночью, как будто жизнь одинокой матери и без них недостаточно утомительна.

В этот раз я зашла дальше, чем в последнее время. Обычно я просыпаюсь в полной растерянности, стоя либо у своей постели, либо у постели Адама, зачастую на середине какой-нибудь бессмысленной, полной ужаса фразы. Это случается с такой регулярностью, что он даже не пугается, если я его бужу. С другой стороны, он унаследовал от своего отца трезвый склад ума. К счастью, благодаря ему я могу смотреть на это все с юмором.

Включаю свет, гляжу в зеркало и издаю стон. Под глазами у меня темные мешки, замаскировать которые будет не под силу ни одному тональному крему. Во всяком случае, при дневном свете. Ну и ладно. Напоминаю себе: нет никакой разницы, что обо мне подумает мужчина-из-бара, по совместительству вот-черт-он-мой-новый-женатый-начальник. Будем надеяться, что он достаточно смутится, чтобы весь день меня избегать. Однако же под ложечкой у меня до сих пор сосет, а голова гудит от выпитого вина и выкуренных сигарет.

«Давай, соберись, — говорю я себе. — Через день-другой все это позабудется. Просто иди и делай свою работу».

Времени всего четыре утра, и я, попив воды, выключаю свет и залезаю обратно в постель в надежде по крайней мере подремать до шести, когда прозвенит будильник. Я отказываюсь думать о вкусе его губ и о том, каким восхитительным был этот поцелуй, пусть и не продлился долго, отказываюсь подчиняться волне желания. Отказываюсь чувствовать эту зарождающуюся близость с другим человеком. Глядя в стену перед собой, пытаюсь считать овец, но потом вдруг понимаю, что, вопреки нервозности, радуюсь тому, что снова его увижу. Скрипнув зубами, обзываю себя идиоткой. Я не такая!

С улыбкой я машу ему рукой, провожая на первый настоящий рабочий день в клинику. Старушка из соседнего дома, вышедшая прогуляться со своей маленькой и такой же дряхлой, как и она сама, собачонкой, одобрительно смотрит на нас. Мы всегда выглядим образцовой парой, Дэвид и я. Мне это нравится.

И тем не менее я вздыхаю с облегчением, когда закрываю за ним дверь и остаюсь в доме в полном одиночестве, пусть даже этот вздох кажется мне маленьким предательством. Мне нравится присутствие Дэвида, но наши отношения пока что не вернулись на ровные рельсы, и атмосфера между нами полна невысказанных слов. К счастью, в доме достаточно места и он может спрятаться в своем кабинете. Мы делаем вид, что все в полном порядке, осторожно обходя друг друга.

Впрочем, я действительно чувствую себя немного лучше, чем в тот день, когда он вернулся домой пьяным. На следующее утро мы это, разумеется, не обсуждали; в последнее время мы вообще воздерживаемся от обсуждений. Вместо этого я предоставила ему заниматься бумагами, а сама отправилась записывать нас обоих в дорогой местный спортклуб. Потом решила прогуляться по нашему новому респектабельному району, чтобы немного осмотреться. Я люблю понимать, что где находится. Наглядно представлять себе местность. Мне так комфортнее. Помогает расслабиться.

Гуляла я почти два часа, мысленно отмечая магазинчики, бары и рестораны, пока надежно не уложила их все в голове, чтобы в нужный момент можно было извлечь из памяти нужное. Купила в местной пекарне хлеба, а в гастрономической лавке — оливок, нарезанной ломтями ветчины, хумуса и вяленых помидоров — все это стоило совершенно неприличных денег и истощило мой скромный запас наличности — и устроила для нас двоих небольшой пикник в доме. Погода вполне позволяла расположиться на улице, но думаю, Дэвид пока еще не готов выходить в сад.

Вчера мы были в клинике, и я совершенно очаровала старшего партнера, доктора Сайкса, и прочих врачей и медсестер, которым нас представили. Люди клюют на красивую внешность. Это звучит тщеславно, но это правда. Дэвид как-то сказал мне, что присяжные склонны куда больше верить красивым людям на скамье подсудимых, нежели уродливым. Внешность — вопрос чистого везения, но я на собственном опыте убедилась, что она действительно способна творить чудеса. Можно даже почти ничего не говорить, лишь слушать и улыбаться, а люди будут из кожи вон лезть, чтобы сделать тебе приятное. Быть красавицей исключительно удобно. Отрицать это значило бы покривить душой. Я прикладываю все усилия к тому, чтобы сохранить свою красоту для Дэвида. Все, что я делаю, я делаю для него.

Новый офис Дэвида — второй по размеру в здании, насколько я могу судить. Примерно чего-то в этом роде я и ожидала, когда в своих мечтах рисовала себе, как он станет работать на Харли-стрит^[1]. Пушистый кремовый ковер, солидный, как и полагается, письменный стол, сверкающая приемная — все здесь так и дышит роскошью. Привлекательная — если, конечно, вам по вкусу такой тип женщин — блондинка за тем самым столом куда-то

скрылась еще до того, как нас успели познакомиться. Мне это не понравилось, но доктор Сайкс, похоже, ничего не заметил: вещал что-то, вдохновленный смехом, которым я отвечала на его кошмарные потуги пошутить. Полагаю, я прекрасно держалась, учитывая то, какой силы душевная боль меня терзала. Дэвид, должно быть, тоже остался доволен, поскольку после этого он несколько смягчился.

Сегодня вечером мы приглашены к доктору Сайксу на что-то вроде неформального приветственного ужина. Я уже выбрала платье и придумала, как уложу волосы. Я решительно настроена сделать так, чтобы Дэвид гордился мной. Я способна быть хорошей женой. Женой нового партнера. Несмотря на все мои нынешние тревоги. Так спокойно, как сейчас, мне не было с тех самых пор, как мы переехали.

Бросаю взгляд на часы на стене, которые своим тиканьем нарушают мертвую тишину дома. Сейчас всего лишь восемь утра. Он, наверное, еще только подходит к офису. Звонка от него можно ждать не раньше половины двенадцатого. У меня уйма времени. Поднимаюсь на второй этаж, в нашу спальню, и ложусь на кровать прямо поверх покрывала. Спать я не собираюсь. Но глаза тем не менее закрываю. И представляю себе клинику. Офис Дэвида. Пушистый кремовый ковер. Стол полированного красного дерева. Крохотную царапинку в углу столешницы. Две узкие кушетки. Жесткие сиденья. Каждую мелочь. И делаю глубокий вдох.

— Ты сегодня очень хорошенькая, — замечает Сью почти изумленно, когда я снимаю пальто и вешаю его в служебной раздевалке.

Адам сказал мне точно то же самое — и точно таким же тоном. Когда я утром сунула ему в руку тост, перед тем как выходить в школу, на его личике отразилось недвусмысленное недоумение при виде моей шелковой блузки, не так давно купленной в комиссионке, и выпрямленных утюжком волос. О господи, я очень старалась, и сама это знаю. Но все это вовсе не ради *него*. Наоборот, в качестве оружия против него. Боевая раскраска. Нечто такое, за чем можно спрятаться. И потом, я так и не смогла уснуть; мне нужно было чем-то себя занять.

Обычно в такие дни я закидываю Адама на утреннюю продленку, прихожу в клинику первой и встречаю всех свежесваренным кофе. Но сегодня, разумеется, Адам встал не с той ноги и был недоволен всем подряд, потом никак не мог отыскать свой левый ботинок. Поэтому, хоть я и была готова к выходу куда раньше обычного, в школу мы все равно неслись переругавшись и успели впритык.

На лице у меня сияла улыбка, хотя ладони вспотели и меня слегка мутило. Кроме того, по пути от школы до клиники я выкурила три сигареты подряд, хотя обычно стараюсь не курить до обеденного перерыва. Но это как посмотреть. До перерыва я держусь только в собственном воображении, в реальности же, как правило, все-таки выкуриваю сигаретку по пути на работу.

— Спасибо, — отвечаю я на комплимент Сью. — Адам на выходные у отца, так что, возможно, после работы я пойду куда-нибудь пропустить стаканчик-другой.

Пожалуй, и правда пропустить после работы стаканчик-другой мне будет совершенно необходимо. Делаю себе мысленную пометку написать Софи сообщение с предложением встретиться. Разумеется, она согласится. Ей до смерти любопытно будет узнать развязку этой комедии положений. Из всех сил пытаюсь говорить обычным тоном, но собственный голос кажется мне чужим. Нужно взять себя в руки. Я веду себя как дура. Он куда в худшем положении, чем я. Это ведь не я посягала на супружескую измену. Впрочем, все эти попытки себя убедить никак не отменяют того факта, что я такими вещами не занимаюсь. Для меня, в отличие от Софи, они отнюдь не норма жизни, и от всего этого мне просто тошно. В душе у меня творится полный раздрай, и я никак не могу остановиться на чем-то одном. Может, во всей этой ситуации и нет моей вины, но я все равно чувствую себя полной дешевкой и дурой, и весь этот коктейль щедро приправлен виной и злостью. Первый намек на потенциальный роман за черт знает сколько лет — и тот оказался пустышкой.

И все же, несмотря на все это и на воспоминание о его красавице-жене, в глубине души перспектива увидеть его снова вызывает у меня радостное возбуждение. Я чувствую себя прямо-таки как подросток в предвкушении свидания.

— Все на совещании до десяти тридцати, во всяком случае, так сказала мне Илейн, — сообщает Сью. — Так что пока можно расслабиться. — Она открывает сумку. — Я не забыла, что сегодня моя очередь. — (На свет божий появляются два промасленных бумажных

пакета.) — Пятничные сэндвичи с беконом.

Я так радуюсь этой паре часов отсрочки, что с воодушевлением хватаю сэндвич. По тому, что самый яркий момент моей рабочей недели — это пятничный завтрак, можно сделать закономерный вывод, насколько скучная и размеренная у меня жизнь. И все же в ней есть место бекону. Не все так плохо. Набрасываюсь на сэндвич, смакуя пропитанный маслом теплый хлеб и солонатовое мясо. Я из тех, кто ест, когда нервничает. Хотя, будем честны, я просто из тех, кто ест. Когда нервничает, когда расстроен, когда счастлив. Мне все едино. Нормальные люди в процессе развода теряют килограммы. У меня все было с точностью до наоборот.

Официально наш рабочий день начинается только через двадцать минут, так что мы устраиваемся за маленьким столиком и пьем чай, и Сью рассказывает мне про ужасный артрит ее мужа и про однополую пару, которая живет с ними по соседству и, кажется, беспрестанно занимается сексом. Я улыбаюсь и позволяю ее журчащему голосу обволочь меня, изо всех сил стараясь не подпрыгивать всякий раз, когда в дверном проеме на том конце коридора мелькает чья-то тень.

Не замечаю выползший из сэндвича кетчуп, пока не становится слишком поздно. И вот уже ярко-красное пятно красуется на моей кремовой блузке, прямо посреди груди. Сью, всплеснув руками, немедленно подскакивает ко мне и принимается поспешно промокать его салфетками, а потом влажной тряпочкой, но все ее старания приводят лишь к тому, что чуть ли не половина блузки начинает просвечивать, а розоватое пятно по-прежнему предательски проступает на ткани. Лицо у меня пылает, шелк липнет к спине. Отличный день, с самого утра все наперекосяк. Я уже это чувствую.

Со смехом отмахиваюсь от ее попыток привести меня в порядок и иду в туалет, где пытаюсь подставить мокрое пятно под сушилку для рук. Высушить блузку до конца не удастся, но, по крайней мере, из-под нее больше не просвечивает мой слегка застиранный кружевной лифчик. И на том спасибо.

Против воли смеюсь над собой. Кого я пытаюсь обмануть? Это просто-напросто не мое. Я чувствую себя куда уверенней, обсуждая последнюю серию «Ботов-спасателей» или «Ужасного Генри» с Адамом, нежели пытаюсь изображать умудренную жизнью современную женщину. Ноги у меня уже болят от двухдюймовых каблуков. Я всегда считала, что это нечто такое, что приходит с возрастом, — умение ходить на высоких каблуках и всегда хорошо одеваться. А выясняется, что — во всяком случае, для меня — это был всего лишь мимолетный этап моей тусовочной жизни, когда мне было чуть за двадцать, а теперь мой удел — джинсы, свитеры, кеды и вечный хвостик на голове. И в качестве дополнительного аксессуара — черная зависть к тем, кто до сих пор находит в себе силы рыпаться. К тем, у кого есть причина рыпаться.

«Она-то наверняка носит высокие каблуки, — думаю я, оправляя одежду. — Дура ты дура. Ходила бы и дальше в брюках и туфлях на плоской подошве».

Сегодня утром нам никто не звонит. Пытаясь отвлечься от стрелки часов, которая неумолимо ползет к десяти тридцати, выделяю в системе файлы пациентов, записанных на понедельник, и составляю список тех, кто должен прийти на прием до конца недели. Ему уже передали копии карточек самых сложных пациентов, но я хочу показать себя квалифицированным сотрудником, поэтому готовлю все карточки по списку. Затем распечатываю всю электронную корреспонденцию, которая, на мой взгляд, может представлять какую-либо ценность или важность или же была оставлена менеджментом без

внимания. После чего печатаю и ламинирую список контактных телефонов ближайшей больницы, полицейского участка и разных прочих организаций, которые могут ему понадобиться. Как ни странно, все это в самом деле действует на меня успокаивающе. Образ мужчины-из-бара меркнет в памяти, превращаясь в образ моего начальника. При этом его лицо пугающе сливается с лицом старого доктора Кэдигена, которого он сменил.

В десять я отношу распечатки ему на стол и раскофегариваю кофеварку в углу, чтобы к приходу его уже ждал свежесваренный кофе. Потом проверяю, не забыла ли уборщица поставить в маленький холодильник, замаскированный под шкафчик на манер отельного мини-бара, свежее молоко и есть ли в сахарнице сахар. Покончив с этим, поддаюсь искушению взглянуть на фотографии в серебристых рамках у него на столе. Их всего три. На двух изображена его жена, на третьей, совсем старой, они вдвоем. Она привлекает мое внимание, и я беру ее в руки. Он тут совсем другой. Совсем юный. Ему здесь от силы лет двадцать. Они сидят на большом кухонном столе и, обнявшись, над чем-то смеются. Оба кажутся такими счастливыми, такими юными и беспечными. Его взгляд прикован к ней, как будто важнее нет ничего во всем мире. На фотографии у нее длинные волосы, но, в отличие от двух других, тут они не собраны в пучок на затылке. Даже в футболке с джинсами она выглядит непринужденно красивой. У меня щемит сердце. Она-то наверняка никогда не заляпывает одежду кетчупом.

— Прощу прощения?

Тот самый голос с легким шотландским акцентом застает меня врасплох; я едва не роняю фотографию, потом поспешно пытаюсь поставить ее обратно на стол и невольно смахиваю с него аккуратную стопку бумаг. На пороге стоит *он* собственной персоной. Только что съеденный сэндвич с беконом подступает обратно к горлу. О господи, я и забыла, как сногсшибательно он выглядит. Почти белокурые волосы, блеску которых я могу только завидовать. Достаточно длинные надо лбом, чтобы можно было запустить в них пальцы, но при этом не выглядят неряшливо. Синие глаза, проникающие прямо в душу. Кожа, к которой так и хочется прикоснуться. Я с усилием сглатываю. Он из разряда тех самых мужчин. Просто потрясающий. Лицо у меня пылает.

— Ты... вы же должны были до половины одиннадцатого быть на совещании, — лепечу я, готовая провалиться сквозь ковер прямо под землю в огненную геенну стыда.

Меня застукали в его кабинете разглядывающей фотографии его жены, точно какую-то полоумную преследовательницу. Господи боже мой.

— Господи боже мой, — произносит он, точно подслушав мои мысли. С его лица сходит вся краска, глаза расширяются. Вид у него потрясенный и ошарашенный одновременно. — Это ты... вы.

— Послушайте, — говорю я, — между нами ничего не было, мы просто слегка перебрали и увлеклись, но это ведь был всего лишь поцелуй, и, поверьте, я совершенно не собираюсь никому об этом рассказывать. Думаю, если мы оба постараемся забыть о том, что произошло, у нас не будет никаких причин враждовать и никто ни о чем не узнает...

Слова льются у меня изо рта бессвязным потоком, и я не в силах остановить их. Чувствую, как под слоем тонального крема на лице от смущения выступают капельки пота.

— Но, — он с наполовину озадаченным, наполовину встревоженным видом торопливо закрывает за собой дверь, и я не могу его винить, — что вы вообще здесь делаете?

— Ой... — Впопыхах я позабыла сказать самое главное. — Я ваш секретарь и администратор. Три дня в неделю. Вторник, четверг и пятница. Пришла положить вам на

стол кое-какие бумаги и увидела... — киваю на фотографии. — Ну и в общем...

Замолкаю, не в силах произнести «я рассматривала вас и вашу красавицу-жену, как сумасшедшая психопатка».

— Вы — мой секретарь?! — У него делается такое выражение лица, как будто он получил удар под дых. — Вы?!

Нет, это, пожалуй, даже не под дых. Это, пожалуй, несколько ниже. Мне даже становится его немного жалко.

— Я все понимаю. — Пожимаю плечами и строю, без всякого сомнения, омерзительную комическую мину. — Какова вероятность такого совпадения?

— Когда я месяц назад приходил поговорить к доктору Кэдигену, тут была другая женщина. Не вы.

— Постарше, такая немного чопорного вида? Это Мария. Она закрывает оставшиеся два дня. Ей уже пора на пенсию, но она работает здесь лет сто, и доктор Сайкс ее любит.

Он так и стоит у самой двери. Ему явно нелегко переварить все происходящее.

— Я в самом деле ваш секретарь, — произношу я уже медленней. И спокойнее: — Я вовсе не безумная преследовательница. Поверьте, мне тоже не так легко. Я видела вас вчера, когда вы заходили. Мельком. Потому что потом я спряталась.

— Вы спрятались?

Он делает паузу, обдумывая услышанное. Этот миг, кажется, длится вечно.

— Да, — подтверждаю я и, как будто для того, чтобы сделать свой позор полным, добавляю: — В туалете.

Повисает долгая пауза.

— Честно говоря, — произносит он наконец, — я, вероятно, тоже спрятался бы.

— Если бы мы оба спрятались в туалете, это вряд ли помогло бы нам добиться желаемой цели.

Он вдруг смеется коротким отрывистым смехом.

— Да уж, надо полагать. А вы очень забавная. Я это помню.

Он подходит к столу и принимается рассматривать бумаги, которые я на нем разложила, и я автоматически отхожу в сторону.

— В общем, сверху лежит распечатка со списком файлов, которые вам необходимо просмотреть к понедельнику. Кофе в...

— Я очень сожалею о случившемся, — говорит он, вскидывая на меня свои невероятные синие глаза. — Вы, наверное, считаете меня скотиной. Я лично считаю, что я скотина и есть. Обычно я не... в общем, я пришел туда вовсе не в поисках приключений и не должен был делать то, что я сделал. Чувствую себя ужасно. Не знаю, что на меня нашло. Я действительно не склонен к подобным вещам. Мое поведение непростительно.

— Мы выпили лишнего, вот и все. Вы не сделали ничего ужасного. Совершенно ничего. «Я не могу»...

Помню, как он со стыдом в голосе отстранился от меня и вышел на улицу, сбивчиво извиняясь. Может быть, потому я и не в силах слишком плохо о нем думать. В конце концов, это был всего лишь поцелуй. Он не виноват, что я своей глупой головой навоображала нечто большее.

— Вы остановились, и это главное. Это совершенно ничего не значит. Честное слово. Давайте все забудем. Начнем с сегодняшнего дня. Мне не больше вашего нравится это неловкое положение, правда.

— Вы спрятались в туалете.

Его синие глаза светятся пронизательностью и теплотой.

— Да, и лучший способ сделать так, чтобы я перестала смущаться, — никогда больше не упоминать об этом, — ухмыляюсь я.

Он по-прежнему мне нравится. Да, он допустил глупую ошибку, поддавшись сиюминутному искушению. Могло быть и хуже. Он мог провести у меня ночь. Я какое-то время обдумываю эту возможность. Ну да, в краткосрочной перспективе это было бы здорово, зато в долгосрочной куда как хуже.

— Ладно, значит, друзья? — говорит он.

— Значит, друзья. — Рукопожатием наш договор мы не скрепляем. Для физического контакта еще рано. — Я Луиза.

— Дэвид. Рад с вами познакомиться. Как полагается. — И вновь между нами на миг возникает неловкое замешательство, потом он потирает ладони одна о другую и опять устремляет взгляд на заваленный бумагами стол. — Судя по всему, сидеть сложа руки вы мне позволять не собираетесь. Кстати, вы местная?

— Да. Ну, то есть я прожила здесь десять с лишним лет, не знаю уж, дает ли мне это право считаться местной.

— Не могли бы вы рассказать мне про здешнюю округу? О проблемах и горячих точках. Социальное неравенство, все такое прочее? Я хотел проехаться по району, но с этим придется немного повременить. У меня на сегодня запланирована еще одна встреча с кем-то из больницы, потом ранний ужин с другими партнерами.

— Ну, общее представление я вам дать точно могу. Мнение дилетанта, так сказать.

— Отлично. Это именно то, что мне нужно. Я подумываю время от времени устраивать по выходным сеансы психологической помощи на добровольных началах, так что было бы неплохо получить точку зрения местного жителя относительно возможных причин зависимостей, характерных для района. Это моя специализация.

Я слегка ошарашена. Не знаю ни одного другого доктора, который в свое свободное время занимался бы подобной деятельностью. Это дорогая частная клиника. Какие бы проблемы ни были у наших клиентов, от недостатка средств они точно не страдают, а все партнеры — эксперты в своих областях. Они, разумеется, принимают кого-то по направлениям, но чтобы идти в народ и работать бесплатно?

— Ну, это же север Лондона, так что район у нас в общем и целом довольно благополучный, — говорю я. — Но к югу от того места, где я живу, есть большой массив социального жилья. Вот там проблем выше крыши. Высокий процент безработицы среди молодежи. Наркотики. И все прочее в том же духе.

Мы разговариваем еще примерно с час; я рассказываю ему про школы и поликлиники, про пабы с самой дурной репутацией, про подземный переход под железной дорогой, где за последний год случилось три поножовщины и где все запрещают своим детям появляться без взрослых, потому что наркоманы ходят туда за дозой и прямо там же и вмазываются. Сама дивлюсь, сколько всего, оказывается, я знаю про наш район и сколько подробностей собственной жизни успеваю выложить. Когда он сверяется со временем и останавливает меня, ему известно не только о том, что я в разводе, но и про Адама, и про то, в какую школу он ходит, и про то, что моя подруга Софи живет в престижном доме старой постройки в двух шагах от замечательной средней школы. Я все еще говорю, когда он бросает взгляд на часы и вид у него становится слегка напряженный.

— К сожалению, на этом я вынужден закончить. Но это было очень увлекательно.

Вся карта исписана маркером, кроме того, он делал себе пометки на листке бумаги. Почерк у него кошмарный. Настоящие врачебные каракули.

— Что ж, надеюсь, я вам помогла.

Беру свою кружку и отхожу в сторону. Только сейчас поняла, как близко друг к другу мы стояли все это время. Между нами вновь повисает неловкость.

— Очень помогли. Спасибо вам большое. — Он вновь смотрит на часы. — Мне просто нужно позвонить моей... — он мнетя. — Мне нужно позвонить домой.

— Вы вполне можете произнести слово «жена» вслух, — улыбаюсь я. — Меня не разорвет на куски.

— Простите. — Он явно испытывает куда большую неловкость, чем я. Впрочем, так оно и должно быть. — И спасибо вам. За то, что не считаете меня сволочью. Ну или, по крайней мере, не показываете, что считаете меня сволочью.

— Всегда пожалуйста.

— Вы считаете, что я сволочь?

Я ухмыляюсь:

— Если я вам понадоблюсь, буду у себя за столом.

— Я это заслужил.

Что ж, думаю я, возвращаясь за свой стол и дожидаясь, когда перестанет гореть лицо, — с учетом всех обстоятельств могло быть гораздо хуже. Опять же на работу мне теперь только во вторник. К тому времени все уже устаканится, житейские жернова перемелют этот маленький неловкий эпизод в муку. Уговариваю себя не думать об этом. У меня впереди роскошные сибаритские выходные, которые я намерена посвятить исключительно себе, любимой. Буду валяться на диване, поглощать дешевую пиццу и мороженое, а может, даже устрою себе марафонский просмотр какого-нибудь сериала.

Следующая неделя — последняя в учебном году, на носу летние каникулы. Буду водить Адама в гости к друзьям и принимать его приятелей у нас, выкладывать из своей зарплаты бешеные деньги за то, чтобы он был присмотрен, пока я на работе, и ломать голову, чем бы таким интересным его занять, чтобы он не сидел, уткнувшись в айпад или в телефон и до одури играя в игры, в то время как я пытаюсь успеть все сразу, чувствуя себя при этом никудышной матерью. Хорошо хоть Адам — не ребенок, а подарок. С ним никогда не соскучишься, и, даже когда он скандалит, я люблю его так сильно, что сердце у меня готово разорваться от нежности.

«Адам — единственный мужчина в моей жизни, — думаю я, глядя на дверь кабинета Дэвида и лениво представляя, какие милые глупости он сейчас нашептывает в трубку своей жене. — Никого другого мне не надо».

Это здание во многом напоминает Адели дом. По крайней мере тот, каким он был прежде. Он тоже похож на остров, затерянный в океане окружающей земли. Интересно, кто из них — доктора, адвокаты ее покойных родителей или Дэвид — обратил на это внимание, прежде чем на долгие месяцы упечь ее сюда, в это заведение в глуши, в самом сердце Северного нагорья? Задумался ли хоть один из них, как мучительно ей будет возвращаться мыслями к дому, который навеки для нее потерян?

Он очень старый, этот дом, она не знает точно, сколько ему лет, но построен он из крепкого серого шотландского кирпича, которому нипочем разрушительное время. Видимо, кто-то передал его в дар трастовому фонду клиники Вестландз, а может, он принадлежит кому-то из членов правления, или еще что-нибудь в этом роде. Она не интересовалась этим вопросом, да и, по правде говоря, ей все равно. Она не может представить, чтобы в этом доме жила одна семья. В конце концов они использовали бы всего несколько комнат, как ее собственная семья в их доме. Большие мечты, маленькие люди. Кому нужен огромный дом? Чем его заполнять? Дом должен быть заполнен любовью, а в некоторых домах — включая и ее собственный, каким он был когда-то, — любовь теплится так слабо, что не хватает даже на то, чтобы их обогреть. В реабилитационном центре у всех этих комнат по крайней мере есть смысл. Она усилием воли отгоняет воспоминания о том, как девчонкой сломя голову носилась по коридорам и лестницам, играя в прятки и заливаясь смехом, практически предоставленная самой себе. Лучше уж думать, что их дом просто был слишком большим. Лучше утешаться воображаемой правдой, чем страдать от реальных воспоминаний.

Прошло уже три недели, а она по-прежнему словно в тумане. Все твердят ей, что необходимо прожить свое горе. Но она здесь не для этого. Она должна спать. А она не хочет. Перед тем как ее отправили сюда, она на протяжении многих дней и ночей накачивалась кофе, «Редбуллом» и прочими всевозможными стимуляторами, лишь бы только не спать. Они заявили, что для человека, который только что потерял родителей, она «ведет себя ненормально». И отказ от сна — это было еще самое малое. Интересно, откуда они взяли, какое поведение в подобных обстоятельствах нормально, а какое нет? Кто провозгласил их экспертами в этом вопросе? И да, они хотели, чтобы она спала. Но как она может все объяснить?

Сон — это освобождение, обернувшееся против нее самой, змея, исподтишка жалящая в темноте.

Ее, надо полагать, поместили сюда ради ее же собственного блага, и тем не менее ее до сих пор не отпускает ощущение предательства. Она согласилась поехать лишь потому, что этого хотел Дэвид. Она терпеть не может, когда он волнуется, и этот месяц — это самая малая жертва, на которую она может пойти ради него после всего, что он для нее сделал. Ее герой.

Она не делает ровным счетом никаких попыток вписаться, вопреки собственным заверениям, которые раздает Дэвиду и адвокатам. Честно посещает групповые занятия и дисциплинированно ходит на беседы — хотя там главным образом слушает — с

психологами, несмотря на то что не вполне уверена в их профессионализме. Слишком уж тут все по-хипповски. Разводят тут сюси-пуси, как сказал бы папа. Этот подход не понравился ему, еще когда она впервые попала на лечение, много лет назад, и смириться с ним теперь значило бы разочаровать его. Она лично предпочла бы лечь в нормальную клинику, но ее адвокаты сочли это не лучшей идеей, и Дэвид тоже. Вестландз еще можно считать санаторием, если же станет известно, что ее упекли в психиатрическую лечебницу, это может плохо отразиться на бизнесе ее отца. Потому она здесь, одобрил бы это отец или нет.

После завтрака большинство здешних обитателей, или пациентов, или как там их можно назвать, отправляются на прогулку. День для прогулок самый что ни на есть подходящий: погода не слишком жаркая и не слишком прохладная, на небе ни облачка, воздух дышит свежестью, и на мгновение Адель подмывает присоединиться к ним и тоже прогуляться чуть поодаль от всех в одиночестве. Но при виде радостных лиц собравшихся на крыльце она передумывает. Она не заслуживает быть счастливой. Она была счастлива, и к чему это все привело? И потом, физическая деятельность утомит ее, а она не хочет спать ни секундой больше, чем это необходимо. Она и так слишком легко погружается в сон.

Она задерживается ровно настолько, чтобы увидеть разочарование на лице длинноволосого руководителя группы, Марка («Мы тут все обращаемся друг к другу по именам, Адель»), когда она отрицательно качает головой. Потом она разворачивается и, не обращая на них больше никакого внимания, идет за дом, к озеру.

Неторопливым шагом она преодолевает примерно половину пути и тут футах в двадцати видит его. Он сидит под деревом и плетет венок из ромашек. Она невольно улыбается, до того нелепое это зрелище: нескладный подросток в футболке с гиковским принтом и в джинсах — темные волосы упали на глаза, — с головой ушедший в занятие, за которым обычно можно застать исключительно маленьких девочек. И немедленно чувствует себя виноватой из-за этой улыбки. Она вообще не должна улыбаться. На мгновение она застывает в нерешительности, обдумывая, не пойти ли ей обратно, но тут он вскидывает глаза и замечает ее. Потом, немного помедлив, машет ей рукой. Теперь у нее нет другого выбора, кроме как подойти; впрочем, она не против. Он здесь единственный, кто ее интересуется. Она слышала его по ночам. Его крики и бессвязное бормотание, лишённые всякого смысла. Грохот, когда он натывается на предметы обстановки. Топот встревоженных медсестер, спешащих вернуть его обратно в постель. Знакомая история. Она отлично помнит все это сама. Ночные кошмары.

— Значит, тебе не особенно нравятся групповые сеансы обрядов на болотах? — интересуется она.

Его лицо, кажется, состоит из сплошных углов, словно чужое, на вырост. Однако же он приблизительно ее ровесник, может, на год старше, лет восемнадцати, хотя на зубах у него все еще стоит железный частокоррекционный брекет.

— Не-а. Ты, судя по всему, тоже не любительница?

Он слегка шепелявит.

Она качает головой, испытывая неловкость. С самого своего появления здесь она ни с кем не заводила вот таких ни к чему не обязывающих разговоров.

— Очень тебя понимаю. У меня нет ни малейшего желания приближаться к Марку. У него там в этом его хвосте, наверное, целый рассадник вшей. На прошлой неделе он три дня подряд ходил в одной и той же рубашке. Надо же быть таким неряхой.

Адель снова улыбается, но на этот раз не спешит согнать улыбку с лица. Она не

планировала задерживаться, но неожиданно для себя самой обнаруживает, что уже сидит на траве рядом с ним.

— Ты — та самая девушка, которая рисует огонь, — произносит он утвердительно. — Я видел тебя на занятиях арт-терапией.

Он устремляет на нее взгляд, и у нее мелькает мысль, что глаза у него еще более яркосиние, чем у Дэвида. Впрочем, может быть, так просто кажется, потому что кожа у него очень бледная, а волосы почти черные. Он вплетает в венок очередную ромашку.

— Я тут подумал. Может, тебе лучше рисовать воду? Это могло бы иметь лучший терапевтический эффект. Тогда можно было бы сказать им, что огонь на твоих рисунках символизирует твою горе и то, что случилось, а вода — твоё избавление от этого. Как будто бы ты смываешь все это с себя.

Он говорит торопливо, почти тараторит. Видимо, мозг у него работает очень быстро. Ее же собственные мысли кажутся ей больше похожими на патоку.

— Зачем мне все это надо? — недоумевает она.

У нее не получается представить, как она смывает все это с себя.

— Чтобы они отвязались от тебя с требованием *открыться*. — Он ухмыляется и подмигивает ей. — Подбрось им что-нибудь, и они оставят тебя в покое.

— А ты, похоже, большой спец в этих делах.

— Я уже бывал в подобных местах. Так, давай-ка сюда руку.

Она послушно протягивает ему руку, и он надевает ей на запястье ромашковый браслет. Он кажется совершенно невесомым, не то что подарок Дэвида — массивные часы, которые оттягивают ей запястье другой руки. Это выглядит так трогательно, что на долю секунды она забывает о своих страхах и угрызениях совести.

— Спасибо.

Какое-то время они сидят молча.

— Я читал про тебя в газетах, — произносит он наконец. — Жаль, что так вышло с твоими родителями.

— Мне тоже, — отзывается она и спешит переменить тему. — А ты — тот самый парень с ночными кошмарами, который ходит во сне.

Он фыркает:

— Да, прости. Я знаю, что мешаю окружающим спать.

— У тебя это недавно? — интересуется Адель.

Может, он такой же, как она? Ей очень хотелось бы встретить кого-то такого же. Кого-то, кто понял бы ее.

— Нет, у меня это было всегда. Сколько себя помню. Только я здесь не из-за этого. — Он засучивает рукав. Бледную кожу испещряют еле заметные следы уколов. — Дурные привычки.

Он растягивается на траве, опершись на локти и вытянув ноги перед собой, и она следует его примеру. Солнышко ласково пригревает ее лицо, и впервые за все время это не вызывает у нее мыслей о языках пламени.

— Они считают, что наркотики и мои странные сны как-то связаны, — продолжает он. — И постоянно расспрашивают меня о том, что мне снится. Тупость несусветная. Я уже готов начать выдумывать всякую чепуху.

— Грязные эротические сны с участием Марка, — подает идею она. — Например, с той толстухой из столовой, которая никогда не улыбается.

Он смеется, и она тоже. Господи, до чего же приятно по-нормальному с кем-то поговорить. С кем-то, кто не переживает за нее. Не пытается ее раскусить.

— Говорят, ты отказываешься спать? — спрашивает он, щурясь. — Потому что ты спала, когда все произошло, и не проснулась вовремя.

Он произносит это небрежным тоном. Как будто они обсуждают всякую ерунду. Телешоу. Музыка. Никак не пожар, в котором погибли ее родители. Пожар, который наконец-то вдохнул хоть какую-то искру тепла в могильный холод их дома.

— Я думала, им нельзя сплетничать про нас.

Она устремляет взгляд на сверкающую в лучах солнца озерную гладь. Ее красота завораживает. Адель начинает клонить в сон.

— Они ничего не понимают, — говорит она.

Он снова издает отрывистый смешок, больше похожий на фырканье.

— А ты чего от них ожидала? Они же тупые как пробка, все до единого. Но что именно в твоём случае они не понимают?

Над самой поверхностью воды проносится какая-то птица; ее острый клюв вспарывает водную гладь. Интересно, кого она пытается поймать?

— Я сплю не так, как все нормальные люди, — произносит она в конце концов.

— Как это?

Она усаживается прямо и устремляет на него взгляд. Кажется, он ей нравится. Наверное, есть какой-то другой способ разобраться со всем этим дерьмом. Способ, который поможет и ему тоже. Она в этом не признается, но и она тоже в подобном месте не впервые. И опять из-за проблем со сном. В первый раз это было по поводу лунатизма и ночных кошмаров, когда ей было восемь, а теперь вот из-за того, что она вообще не желает спать.

Сон, вечно этот сон. Ложный сон, настоящий сон. Видимость сна.

А за всем этим кроется то, о чем она никогда не сможет никому рассказать. Попробуй она это сделать, ее упекут в психушку до конца жизни. В этом она уверена.

— Плети им всякую чушь, чтобы они от тебя отстали. А я помогу тебе избавиться от ночных кошмаров. От меня будет куда больше толку, чем от них.

— Ладно, — соглашается он, явно заинтригованный. — Но за это тебе придется нарисовать несколько картин с водой, которую ты рисовать не хочешь. Забавно будет посмотреть, как они полопаются от гордости за то, что спасли тебя.

— По рукам, — говорит она.

— По рукам.

Они скрепляют свою сделку рукопожатием, и в солнечном свете желтые сердцевинки ромашек у нее на запястье вспыхивают золотом. Адель вновь устраивается на траве, опершись на локоть и наслаждаясь щекотным прикосновением лепестков к коже. Какое-то время они просто молча лежат рядышком, радуясь погожему деньку и в отсутствие глаз строгих наблюдателей.

Она обзавелась другом. Ей не терпится поскорее рассказать об этом Дэвиду.

Я не сплю с самого рассвета, но так и лежу, не шелохнувшись. Мы оба лежим на боку, во сне он закинул на меня руку, и, несмотря на сердечную боль, это приятное ощущение. В ее тяжести есть что-то покровительственное. Это напоминает мне самые первые дни. Кожа у него на предплечье гладкая и безволосая там, где ее испещряют глянцевитые шрамы; он прячет их под одеждой, но мне нравится на них смотреть. Они напоминают мне о том, кто он такой под слоем всего наносного. Мужчина, отважно бросившийся в огонь ради спасения любимой девушки.

Сквозь щели в ставнях с шести утра пробиваются солнечные лучи, расчерчивая деревянные половицы неровными золотистыми полосами. Я знаю, что начинается еще один замечательный день. Во всяком случае, за пределами этих стен. Боясь пошелохнуться под тяжестью руки Дэвида, перебираю вчерашние воспоминания. Ужин у доктора Сайкса прошел с успехом. В общем и целом я нахожу психиатров скучными и предсказуемыми, но я пустила в ход свое очарование и покорила всех своим остроумием, в этом у меня нет никаких сомнений. Даже их жены подошли к Дэвиду сказать, как ему повезло с женой.

Я горжусь собой. Хотя это стоило мне немалых усилий — днем пришлось пробежать пять миль на беговой дорожке в спортклубе, а потом еще хорошенько выложиться на тренажерах, чтобы успокоиться. Зато когда Дэвид вернулся с работы, я пребывала в хорошем расположении духа, и тренировка еще больше этому способствовала. Вечер в компании прошел блестяще, без сучка и задоринки, и мы так успешно изображали безоблачно счастливую пару, что на миг даже вновь поверили в это сами. Ночью мы впервые за много месяцев занимались сексом, все было не совсем так, как я люблю, но я издавала все полагающиеся звуки и изо всех сил старалась быть страстной и уступчивой. Прижиматься к нему, чувствовать его внутри себя было так хорошо, несмотря даже на то, что он ни разу не посмотрел мне в глаза и, откровенно говоря, был сильно пьян.

Я ограничилась всего парой бокалов, а вот Дэвид отнюдь нет. В гостях он держал себя в руках и был навеселе ровно настолько, чтобы не нарушать приличий. До тех пор пока мы не вернулись домой, где он плеснул себе весьма щедрую порцию бренди и торопливо проглотил ее, видимо, в надежде, что я не замечу. Я заметила, но, разумеется, ничего не сказала, хотя имела на то полное право.

Вообще-то, раз уж мы решили начать все с чистого листа, ему следовало бы завязать со спиртным. Даже он понимает, что нельзя быть психиатром, специализирующимся на разного рода пагубных привычках и зависимостях, если у тебя самого проблемы с алкоголем. А впрочем, похоже, действительно заинтересован в том, чтобы начать все с чистого листа, лишь один из нас.

В нашем браке все и всегда контролирует Дэвид. Он заботится обо мне. Кто-то по внимательном наблюдении сказал бы, что он подавляет меня, и был бы прав, но временами я думаю, что из нас двоих умнее я, а не он. Его твердый член упирается мне в спину, и я аккуратно меняю положение, прижимаясь к нему сильнее и распаляя себя, пристраиваюсь к нему так, чтобы его плоть оказалась между моими ягодицами, зажимаю ее между ними и

потихоньку направляю в то запретное место, где это доставляет мне наибольшее удовольствие. Может, во сне он будет более покладистым. Но увы, моим чаяниям не суждено сбыться, и он переворачивается с бока на спину, утягивая за собой одеяло. Негромко бормочет что-то неразборчивое, все еще находясь во власти сна, но уже возвращаясь обратно в мир яви. С трудом подавляю желание оседлать его, разбудить поцелуем и, дав волю своей страсти, потребовать, чтобы он любил меня снова.

Вместо этого я закрываю глаза и притворяюсь спящей, пока он не поднимается и не удаляется по коридору в ванную. Следующее, что я слышу — это гудение бойлера и шелест струй душа. Это слегка меня задевает. Я не могу не испытывать обиды, несмотря на всю свою решимость быть сильной. К нашей спальне примыкает отдельный санузел с душевой кабинкой, но он предпочел уйти подальше от меня, и я прекрасно знаю зачем. Что он там делает. Я раздражила его, пока он спал, и теперь вместо того, чтобы заняться сексом со мной, он «занимается самоудовлетворением». Дурацкое выражение, но мне никогда не нравилось слово «мастурбировать». Слишком оно медицинское. «Дрочить» и то лучше, но подобный лексикон мне совершенно не к лицу, поэтому я давным-давно отучилась от грубых слов, и теперь оно режет мне ухо.

К тому времени когда он спускается на кухню, я успеваю сварить кофе, а в тостере уже подогреваются круассаны. Мы с ним подавляем друг друга каждый в своем смысле, и я знаю, ему понадобится некое средство снять остаточные симптомы похмелья. Я отворачиваюсь и развожу бурную деятельность у раковины, чтобы он мог взять из шкафчика ибупрофен, не подвергаясь моему молчаливому осуждению.

— Я вынесла на улицу столик, — сообщаю я беззаботным тоном, раскладывая сдобу на тарелке. — Глупо было бы упускать такое прекрасное утро.

Задняя дверь открыта. На часах всего половина десятого, но воздух уже успел достаточно прогреться.

Он опасливо выглядывает в окно: пытается понять, в какой из клумб я похоронила нашу кошку после того, как он предоставил мне разбираться с этим в одиночку, а сам отправился накачиваться спиртным и заниматься бог знает чем. Я вижу, что он еще помнит об этом. Я же пытаюсь оставить это все в прошлом. Он цепляется за вещи, которых не может изменить, но что сделано, то сделано, нравится это ему или нет.

— Ладно, — говорит он и слегка мне улыбается. — Надеюсь, свежий воздух поможет мне проснуться.

Он идет мне навстречу, видимо, в награду за то, как хорошо я держалась вчера вечером.

Мы почти не разговариваем, но я наслаждаюсь этим нашим, в кои-то веки, дружелюбным молчанием. Полы шелкового халата разъезжаются, и я не поправляю их, так что солнце припекает мою голую ногу, пока я пью кофе и ем круассаны. Запрокидываю голову, подставляя лицо солнечным лучам. Время от времени я ощущаю на себе его взгляд; знаю, что моя красота по-прежнему его влечет. Сейчас, в этот миг, между нами царит практически умиротворение. Оно продлится недолго — иначе просто невозможно, — но пока это так, я упиваюсь им. Тем, наверное, сильнее из-за того, что может прийти ему на смену.

Когда с завтраком покончено, я отправляюсь в ванную и не спеша принимаю душ, с наслаждением подставляя тело под горячие струи воды. День лежит перед нами, точно лишенный ориентиров пейзаж, однако же у него есть свой неписанный распорядок. Дэвид

немного поработает, потом, скорее всего, мы оба отправимся в спортклуб — это такое занятие, которое несложно представить окружающим как совместное времяпрепровождение, тогда как на самом деле, разумеется, каждый из нас занимается сам по себе. Потом настанет время возвращения домой, ужина, телевизора и, скорее всего, раннего отбоя.

Когда я спускаюсь вниз, он уже у себя в кабинете и зачем-то зовет меня к себе. Это неожиданно. Обыкновенно он хочет, чтобы его не трогали, когда он работает, и я отношусь к этому с полным пониманием. В кабинете он хранит данные своих пациентов, и, несмотря на пристрастие к алкоголю, во всем остальном он профессионал экстра-класса.

— У меня кое-что есть для тебя, — говорит он.

— О.

Это отклонение от заведенного распорядка, и я удивлена.

Однако тут же чувствую укол разочарования, ибо он протягивает мне упаковку таблеток.

— Это от тревожного расстройства. Должны быть лучше предыдущих. По одной три раза в день. Никаких побочных эффектов.

Беру коробочку. Название ничего мне не говорит, просто очередное слово, которое я не в состоянии выговорить.

— Ну конечно, — говорю я с упавшим сердцем.

Опять таблетки. Вечно одни таблетки.

— Это еще не все.

Слышу в его голосе обнадеживающие нотки и вскидываю на него глаза.

Он держит в руке кредитку и мобильный телефон.

— Карта привязана к моей, но я решил, что ты можешь опять попробовать. То же касается и телефона.

Это старый кнопочный телефон, как пить дать без Интернета и с минимальным набором самых базовых функций, но меня охватывает ликование. Не надо больше дожидаться, когда Дэвид соизволит выдать мне деньги на хозяйство. Не надо сидеть дома, как привязанной, в ожидании условленного телефонного звонка. Улыбка, неукротимо расплывающаяся на моем лице, стопроцентно искренняя.

— Ты уверен? — спрашиваю я, не в силах поверить своей удаче.

Злосчастные таблетки почти забыты.

— Уверен. — Он улыбается, довольный, что ему удалось меня порадовать. — Мы же договорились начать все с чистого листа, не забыла?

— С чистого листа, — эхом отзываюсь я.

Вдруг, неожиданно для себя, бросаюсь к нему и обвиваю его шею руками, не выпуская из них подарков. Может, для него это все-таки не пустые слова. Может, он действительно будет стараться.

— Спасибо, Дэвид, — шепчу я.

Он обнимает меня в ответ, и я каждой клеточкой своего тела блаженно впитываю его запах. Его тепло. Его объятия. Ширину его мускулистой груди под мягким тонким свитером. Кажется, мое сердце готово разорваться от счастья его близости.

Когда мы отстраняемся друг от друга, я замечаю на столе перед ним карту, покрытую его каракулями, и листок с какими-то записями.

— А это что такое? — спрашиваю я с интересом, которого не испытываю.

Продолжаю играть роль примерной жены, чтобы не портить этот замечательный момент.

— А, я тут подумываю заняться социальной работой. На добровольных началах. В благотворительных проектах или в чем-то подобном. Точно пока еще не знаю. Отчасти поэтому я и решил, что тебе может понадобится телефон.

Он искоса смотрит на меня, но я улыбаюсь:

— Это отличная идея. Честное слово.

— Это значит, что я буду реже бывать дома. По выходным и по вечерам. Я постараюсь отсутствовать не слишком часто.

Он бросает отрывистые короткие фразы, — похоже, ему не по себе. Когда столько времени живешь в браке, начинаешь видеть такие вещи.

— Ничего страшного. Я считаю, это очень великодушно с твоей стороны.

— Ты серьезно?

Теперь его черед удивляться. Я всегда настаивала, чтобы он как можно больше работал в частном секторе. Это престижно и дает возможность не сталкиваться с неприглядной изнанкой жизни. Это я подвела его к необходимости завести практику на Харли-стрит, где ему самое место. Где у него будет оставаться больше времени для нас. Он блестящий специалист. Все так говорят. Он с самого начала подавал большие надежды и просто обязан сделать карьеру. Но это подходит мне. Это подойдет нам обоим.

— Я как раз хотела слегка подновить интерьер. Ты очень облегчишь мне задачу, если не будешь путаться под ногами.

Улыбаюсь, чтобы у него, не дай бог, не возникло сомнений в том, что я шучу. О том, чтобы пойти работать, даже не заикаюсь. Да и кому я нужна? Я уже сто лет сижу дома, а с последнего места работы мне совершенно точно никто не даст рекомендацию.

— Ты хороший человек, Дэвид, — говорю я, хотя эти слова даются мне с трудом и кажутся неискренними. — Правда.

Атмосфера вокруг нас вдруг сгущается, мгновенно окутывая нас тяжелым облаком, и мы оба чувствуем, как прошлое цементной глыбой приковывает нас друг к другу.

— Ладно, пойду приму таблетку, — говорю я. — Не буду тебе мешать.

С этими словами я с улыбкой выхожу, делая вид, что не замечаю этой внезапной неловкости. Но несмотря даже на таблетки, которые я вовсе не собираюсь принимать, за спиной у меня словно вырастают крылья. Телефон и кредитка. У меня сегодня Рождество.

К середине воскресенья я оставляю все надежды насладиться выходными, до последней секунды посвященными мне одной, и начинаю считать минуты до возвращения Адама. В пятницу вечером мы после работы немножко посидели с Софи в баре и я повеселила ее дальнейшими подробностями моего, как она это называет, «Боссгейта», хотя она явно была рада, что эта история не имела никакого продолжения. «Не надо гадить в своем гнезде» — так она сказала. Меня очень подмывало напомнить ей, что сама она преспокойно спит с друзьями и клиентами Джея, но я все-таки не стала этого делать. Так или иначе, ей нужно было бежать, и после двух бокалов вина я с радостью с ней распрощалась. Слишком уж забавляет ее моя ситуация, мне это надоело.

С супружескими парами беда в том, что, даже если они не настолько самодовольны, какими их считают одиночки, они все равно строят свою жизнь таким образом, что общаются практически исключительно с другими парами. Кому нужен в компании неприкаянный одиночка, ни пришей ни пристегни? Одно только нарушение ровного счета. Я отлично это помню. Мы с Иэном вели себя точно так же. И чем старше ты становишься, тем больше вокруг тебя семейных людей, а остальные лихорадочно бегают по свиданиям, лишь бы поскорее вписаться в общий образец. Иногда мне кажется, что пары есть у всех, кроме меня.

В субботу я разгребала домашние дела, врубив радио на полную громкость и пытаюсь сделать вид, как будто это развлечение, а не нудная повинность. Потом смотрела телевизор, ела заказанную на дом пиццу, пила вино и курила до одурения, после чего ругала себя за неводержанность. То, что на этапе планирования представлялось декадентством, вживую выглядело жалко.

Данный себе зарок не думать о Дэвиде тоже сдержать не удалось. Интересно, чем они занимались в выходные? Играли в теннис? Сидели в своем, вне всякого сомнения, идеальном саду, попивая коктейли и смеясь? Вспомнил ли он хоть раз обо мне? И вообще, с чего ему меня вспоминать? Хотя, может, у них в браке какие-то проблемы. Все эти мысли неотступно крутились у меня в голове, пока я одним глазом смотрела телевизор и накачивалась спиртным. Мне необходимо было выкинуть его из головы, но сказать это было куда легче, чем сделать. Обе ночи я ходила во сне, а в воскресенье в четыре утра обнаружила себя на кухне, с пущенной в раковину водой и в опасной близости от двери на балкон. В результате утром я валяюсь в постели до десяти, на завтрак доедаю остатки вчерашней пиццы и с большим трудом вытаскиваю себя в магазин, закупиться перед рабочей неделей, после чего сажусь и принимаюсь ждать, когда вернется Адам и вдохнет в квартиру жизнь.

В семь с небольшим Адам наконец возвращается. С трудом удерживаюсь от того, чтобы не броситься к двери со всех ног, и когда он с топотом врывается в квартиру и вихрем проносится мимо меня, я и сама оживаю, попав в орбиту этого сгустка энергии. Временами я очень от него устаю, но он все равно мой идеальный мальчик.

— Никаких игр, — говорю я, когда он виснет у меня на ногах. — Пойди набери себе ванну, уже почти пора спать.

Он со стоном закатывает глаза, но послушно плетется в направлении ванной.

— Пока, сын.

— Спасибо, папа! — кричит Адам и вскидывает большого пластмассового динозавра, даже не сняв болтающийся на одном плече рюкзак. — Увидимся в следующие выходные!

— В следующие выходные? — недоумеваю я.

Иэн опускает глаза, на миг открыв моему взору разрастающуюся плешь на макушке. Он явно ждет, когда наш сын окажется вне зоны слышимости.

— Ну да, я как раз хотел с тобой это обсудить. Дело в том, что Лизе предложили командировку на месяц, на юг Франции. Глупо было бы упускать такую возможность.

— А как же твоя работа?

У меня такое чувство, как будто я получила пощечину.

— Я могу пару недель поработать оттуда, а на оставшееся время возьму отпуск. — На щеках у него выступают красные пятна, как в тот раз, когда он сообщил мне, что уходит. — Лиза беременна, — бухает он. — Она... мы... считаем, что это удачная возможность для нее поближе познакомиться с Адамом, пока не появился ребенок. За пару дней два раза в месяц узнать друг друга толком невозможно. Это и ему тоже пойдет на пользу. Она не хочет, чтобы он с появлением ребенка стал чувствовать себя отодвинутым на второй план. И я тоже.

После того как прозвучало слово «беременна», все остальные слились для меня в белый шум. Лиза возникла на горизонте сравнительно недавно и до сих пор оставалась для меня скорее смутно знакомым именем, нежели персоной, которой уготовано навеки стать частью моей жизни. Она нарисовалась месяцев девять тому назад и, если ориентироваться на послужной список Иэна со времен нашего развода, вскоре уже должна была ему надоесть. Кажется, смутно припоминаю я, он вроде бы что-то говорил мне о том, что на этот раз все по-другому, но я тогда не восприняла его всерьез. И очень зря. Он не шутил.

У них будет настоящая семья.

Эта мысль точно ножом пронзает мое внезапно ожесточившееся и полное горечи сердце. Они будут жить в нормальном доме. Лиза пожнет плоды уверенного восхождения Иэна по карьерной лестнице. Мне вдруг становится удушающе тесно в моей крохотной квартирке. Я понимаю, что несправедлива к нему. Иэн выплачивает мою ипотеку и никогда не спорит со мной из-за денег. И все равно обида заглушает в моей душе все доводы разума: в дополнение к идеальной картинке своего безоблачного семейного счастья они заберут у меня на лето Адама! При одной мысли об этом мой взгляд застилает багровая пелена, словно сердце у меня лопнуло и вся кровь бросилась в глаза.

— Нет, — отрезаю я. — Он никуда не поедет.

Я не поздравляю его. Меня не волнует их будущий ребенок. Меня волнует исключительно мой собственный, уже имеющийся в наличии.

— Оставь, Лу, это совершенно не в твоём духе.

Он прислоняется к косяку, и мне вдруг бросается в глаза его брюшко. Ну почему он нашел себе кого-то нового, по-настоящему нового, а я нет? Почему я осталась не у дел, почему мои дни проходят точно в унылом ремейке «Дня сурка»?

— Он отлично проведет время, — продолжает между тем Иэн. — Ты же должна понимать. И у тебя тоже появится время на себя.

Передо мной проносятся эти двое суток. Время на себя — это не совсем то, что мне сейчас требуется.

— Нет. И ты должен был сперва посоветоваться со мной.

Я едва удерживаюсь, чтобы не топнуть ногой, и хотя сама понимаю, что веду себя по-детски, ничего не могу с этим сделать.

— Да, я знаю, знаю, извини, просто все получилось очень быстро. Хотя бы подумай об этом, ладно? — Вид у него становится виноватый. — У Адама каникулы. Я же знаю, что тебе вечно приходится выкручиваться. А так тебе не придется искать, куда бы пристроить Адама на то время, пока ты на работе, и у тебя будет передышка. Сможешь куда-нибудь выбраться, когда захочешь. Познакомиться с новыми людьми.

Он имеет в виду мужчин. О господи. Только этого мне сейчас и не хватало. Жалости моего неверного бывшего мужа. Это последняя капля. Я даже не говорю «нет», а просто с размаху захлопываю дверь у него перед носом, так что он едва успевает отскочить.

Он еще дважды жмет на кнопку звонка, но я не обращаю внимания. Меня переполняют обида, злость и растерянность. Но хуже всего сознание, что я не имею права чувствовать все это. Лиза, скорее всего, абсолютно нормальная женщина. Иэн не заслуживает быть несчастным. Я даже не думала, что несчастна, пока не случился этот дурацкий поцелуй с пьяных глаз. Утыкаюсь лбом в дверь, с трудом подавляя желание побиться головой о твердое дерево, чтобы вбить в нее хотя бы немного ума.

— Мамочка?

Я оборачиваюсь. Из гостиной на меня смотрит озадаченный Адам.

— Так мне можно поехать во Францию или нет?

— Я же велела тебе налить ванну, — рывкаю я, немедленно обозлившись вновь.

Иэн не имел никакого права обещать Адаму эту поездку, не переговорив предварительно со мной. Ну почему я вечно вынуждена играть роль злого родителя?

— Но...

— Марш в ванну! И нет, ни в какую Францию ты не поедешь, и точка.

Он бросает на меня сердитый взгляд, сгусток возмущения, лопнувший от моих слов.

— Почему?

— Потому что я так сказала.

— Это не причина. Я хочу поехать!

— Это вполне достаточная причина. И не спорь.

— Это дурацкая причина! У, дурацкая мама!

— Не смей разговаривать со мной таким тоном. А теперь марш в ванную, а не то не будет тебе никакой сказки на ночь.

Не выношу его, когда он так себя ведет. А он не выносит меня, когда я так себя веду.

— И не нужны мне твои сказки! Я хочу поехать во Францию! И папа тоже хочет, чтобы я поехал! Ты противная! Ненавижу тебя!

Он швыряет в меня пластмассового динозавра, которого до сих пор держал в руках. Потом с вызывающим топотом отправляется в ванную. До меня доносится хлопок дверью. Я тут не единственная, кто любит эффектные выходы. Поднимаю динозавра с пола и вижу у него на лапе наклейку Музея естественной истории.

Это лишь растравляет мои раны. Я черт знает сколько времени обещала Адаму отвести его туда, но как-то все руки не доходили. Когда основной груз забот о ребенке лежит на тебе, руки не доходят очень много до чего.

Купание не занимает много времени и не доставляет удовольствия ни одному из нас. Он игнорирует все мои попытки объяснить, почему я считаю поездку не лучшей идеей, и лишь молча сверкает глазами из-под мокрой челки. Такое впечатление, что даже в шесть лет он

насквозь видит всю фальшь моих доводов. Дело вовсе не в том, что он никогда никуда не уезжал от меня на целый месяц. И не в том, что лучше было бы начать с недели на тот случай, если он заскучает. И похоже, не в том, что папе с Лизой не помешает сейчас побыть вдвоем в преддверии появления на свет малыша, — просто я не хочу терять то единственное, что у меня осталось. Его. Еще и Адама Иэн не получит.

— Просто ты ненавидишь папу и Лизу, — рычит он, когда я заворачиваю его безупречное маленькое тело в большое полотенце. — Ты ненавидишь их и хочешь, чтобы я тоже их ненавидел.

С этими словами он удаляется в свою комнату. Я, вся мокрая, стою на коленях на полу в ванной и потрясенно смотрю ему вслед. Неужели он в самом деле так думает? Лучше бы он закатывал нормальные детские истерики. Лучше бы вопил и визжал от ярости, чем вот так дуться, а потом бросать мне в лицо убийственную правду. Устами младенца...

— Почитать тебе «Гарри Поттера»? — спрашиваю я после того, как он облачается в пижаму, а я вывешиваю его полотенце сушиться в ванной.

— Нет.

— Точно?

Он не смотрит на меня, лишь крепче прижимает к себе плюшевого Паддингтона. Слишком крепко. Это выдает сдерживаемую злость и обиду. Лицо у него все еще мрачное. С таким же успехом мог бы выпятить нижнюю губу и тем ограничиться.

— Я хочу поехать во Францию с папой. Хочу есть улиток и купаться в море. Не хочу торчать здесь и ходить в летнюю школу, пока ты пропадаешь на работе.

— Я не все время на работе.

Его гнев задевает меня, и его слова тоже, потому что в них есть доля правды. Я не могу взять на лето отпуск, чтобы провести его с собственным ребенком, как многие другие матери.

— Ты много времени на работе. — Он негромко сопит носом и отворачивается от меня. Плюшевый Паддингтон, которого он по-прежнему крепко сжимает под мышкой, смотрит на меня поверх его худенького плечика с почти извиняющимся видом. — Ты не пускаешь меня, потому что ты противная.

С упавшим сердцем я смотрю на него. Это правда. До последнего слова. Адам прекрасно провел бы время во Франции. И его не было бы всего четыре недели, и это во многих отношениях действительно облегчило бы мне жизнь. И все же при мысли об этом я по-прежнему чувствую, как будто мне в сердце всадили нож. Да, моя жизнь стала бы легче, но при этом она сильно опустела бы.

Несмотря на его демонстративно холодный вид — он даже повернулся ко мне спиной, — я наклоняюсь и целую его в макушку. Стараясь не замечать его напряженной позы, вдыхаю чудесный запах чистоты, который принадлежит только ему, и никому больше. «Я всегда буду его матерью, — напоминаю я себе. — Лиза никогда меня не заменит».

— Я подумаю, — произношу я очень тихо, уже стоя на пороге, перед тем как выключить свет.

Отпустить его в эту поездку было бы правильно. Я отдаю себе в этом отчет, но когда я наливаю себе бокал вина и падаю на диван, мне по-прежнему хочется плакать. Целый месяц. За это время столько всего может измениться. Адам наверняка вернется подростком. Я лишусь месяца чудесного времени, пока он еще изъявляет желание ласкаться, держать меня за руку и радуется тому, что он мой малыш. Я и глазом моргнуть не успею, как он

превратится в подростка, сегодняшний скандал — это первый звоночек. Он вырастет, уйдет от меня и будет жить своей собственной жизнью, а я, скорее всего, так и останусь в этой крохотной клетушке, буду выбиваться из сил, чтобы удержаться на плаву в этом городе, жить в котором мне не по карману, общаясь с жалкой горсткой сомнительных друзей. Также мне ясно, что в приступе острой жалости к себе я все преувеличиваю и что на самом деле я все еще перевариваю сообщение о Лизиней беременности и пытаюсь понять, каким образом она отразится на моей жизни. Я не думала, что Иэн решится еще на одного ребенка. В первый раз он, кажется, не слишком всем этим интересовался.

И вдруг я понимаю: я была для него тренировочной женой. Мы с Адамом были для него тренировочной семьей. Когда полотно его жизни будет соткано, мы останемся всего лишь пробными рядами в самом начале. Мы не войдем в основной узор.

Это странная и грустная мысль, а я не люблю странные и грустные мысли. Поэтому наливаю себе еще вина и принимаюсь строить планы, чем займу эти четыре недели. Можно было бы выбраться куда-нибудь на выходные. Или начать бегать. Сбросить наконец лишние несколько килограммов, прилипшие к моему животу и бедрам. Вернуть в гардероб туфли на высоком каблуке. Начать новую жизнь. Для одного месяца перечень внушительный, но я готова попробовать. Во всяком случае, пока эту готовность подпитывают полбутылки «Совиньон блан», плещущиеся у меня в желудке. Пока не передумала, я хватаю телефон и пишу Иэну сообщение, что не возражаю против поездки. Пускай Адам едет. Почти сразу начинаю об этом жалеть, но, по правде говоря, выбора у меня все равно нет. Адам обидится на меня, если я не отпущу его, и я не могу мешать ему быть и частью той семьи тоже. Пытаясь удержать его в своем единоличном распоряжении, я лишь оттолкну его от себя. В подпитии я чувствую себя сильнее. Сейчас все это кажется хорошей идеей.

Некоторое время спустя я просыпаюсь у постели Адама. Мир вокруг меня мало-помалу обретает очертания под аккомпанемент моего собственного судорожного дыхания. Адам крепко спит, как всегда зажав под мышкой своего замызганного мишку Паддингтона. Я смотрю на него, пытаюсь зарядиться его спокойствием. Кем я кажусь ему в такие вот моменты, когда он все-таки просыпается? Полоумной незнакомкой, которая выглядит в точности как его мать? Для мальчика, которому никогда не снятся плохие сны, это наверняка пугающе, как бы ни пытался он убедить меня в обратном.

Может быть, мне пора уже наконец обратиться к врачу по поводу этих моих ночных кошмаров. Как-нибудь при случае. «Мне лечь вот на эту кушетку, доктор? Не хотите ко мне присоединиться? Ах, ну да, вы ведь женаты. Может, тогда лучше поговорим о *ваших* проблемах?»

Я не могу даже заставить себя улыбнуться. Адам уезжает на месяц. Лиза беременна. Жизнь проходит мимо меня. Забираюсь в свою слегка влажную от пота постель и приказываю себе не раскисать. Я далеко не в худшем положении. По крайней мере, вся эта история с Дэвидом показала, что мне еще могут нравиться мужчины. И, что более важно, я еще могу нравиться им. Нет худа без добра и все такое прочее.

Когда я говорю Адаму, что поездка во Францию состоится, на его лице расцветают радость и любовь. Но несмотря на это и на все полуночные рассуждения, меня все равно охватывает чувство жалости к себе, когда я смотрю, как он бежит сквозь толчею у школьных ворот, ни разу не оглянувшись. Обычно меня это радует. Мне нравится, что мой ребенок

уверен в себе. Но сегодня то, что он немедленно забыл обо мне, кажется мне символическим предвестником моего будущего. Все бегут вперед, и лишь я стою по другую сторону ворот и машу рукой людям, которые не оглядываются назад, всеми брошенная и одинокая. На миг вдумываюсь, и собственные мысли кажутся мне такими пафосными, что самой становится смешно. Адам почти каждый день убегает в школу таким образом. И что плохого в том, если Иэн счастлив? Это отнюдь не значит, что я должна быть несчастна. И все равно слово «беременна» лежит на моем сердце бетонной плитой, которую мне не под силу сдвинуть, а глаза щиплет от недосыпа. Я так и не смогла уснуть снова.

Окруженная воплями и смехом ребятишек и болтовней мамаш, я, несмотря на «ситуацию с Дэвидом», жалею, что сегодня не надо на работу. В голове у меня крутится список хозяйственных дел, которые нужно успеть сделать до того, как у Адама закончатся уроки, и я вполне предсказуемо ловлю себя на том, что перспектива драить ванну никакого энтузиазма у меня не вызывает. Надо, наверное, пойти купить Адаму новые плавки и летнюю одежду в поездку. Иэн наверняка уже обо всем позаботился, но мне тоже хочется внести свою лепту в семейный отпуск, в котором я не участвую.

Мне в голову приходит мысль купить Лизе в подарок каких-нибудь младенческих одежек, но, наверное, это все-таки перебор. Их будущий ребенок не имеет ко мне никакого отношения. И вообще, зачем ей что-то брать от бывшей жены? И матери первого ребенка, которая не сумела сохранить семью. Что Иэн рассказал ей обо мне? Какую часть вины возложил на меня?

Как только Адам скрывается за дверью школы, я, опустив голову, спешу прочь, чтобы, не дай бог, не оказаться вовлеченной в обсуждение планов на лето с другими мамашами. К тому же до чертиков тянет покурить, а на виду у всех я этого делать не хочу. Конечно, от моей одежды, скорее всего, все равно пахнет табаком, но давать им повод дружно осудить меня я не собираюсь.

И тут я налетаю на кого-то. Внезапный толчок, удар чьего-то тела о мое, ошеломленный вскрик — и я отлетаю назад, даже не сообразив, что произошло. Мне, впрочем, удастся удержаться на ногах — в отличие от другой женщины. Первое, что бросается мне в глаза, — это туфли, в которые обуты ее разбросанные по земле ноги. Изящные кремовые лодочки на невысоком тоненьком каблучке. Подошвы совсем не стерты. Я автоматически хватаю ее за руки и пытаюсь поднять.

— Ох, простите, пожалуйста, я задумалась и не смотрела, куда иду, — бормочу я.

— Нет, это я виновата, — слабым голосом, который повисает в воздухе, точно нити сахарной ваты, возражает она. — Я не смотрела.

— Ну, значит, мы обе идиотки, — заключаю я с улыбкой.

И лишь когда она поднимается, высокая и тоненькая, как тростинка, я, холодея от ужаса, понимаю, кого сбила с ног. Это *она*.

— Это вы! — восклицаю я невольно, не успев прикусить язык.

Прекрасное утро, ничего не скажешь. Лицо у меня пылает. Она в замешательстве смотрит на меня:

— Простите, мы разве знакомы?

Мимо нас от здания школы проплывает группка мамаш с колясками, и я пользуюсь этой передышкой, чтобы скрыть смущение. К тому времени, когда они проходят мимо, я выдавливаю из себя как можно более непринужденную улыбку:

— Нет-нет, мы никогда не встречались. Дело в том, что я работаю на вашего мужа. На

полставки. Я видела вашу фотографию у него на столе.

— Вы работаете с Дэвидом?

Я киваю. Мне нравится, что она сказала «с Дэвидом», а не «на Дэвида».

— Я только что проводила его до работы, — говорит она. — Захотелось с утра немного пройтись. Да уж, мир тесен.

С этими словами она улыбается, и я понимаю, что она и в самом деле ослепительная красавица. В тот раз я видела ее мельком и не успела толком разглядеть — хотя кто бы на моем месте успел, в панике спеша спрятаться в туалете? — и у меня была надежда, что она просто удачно вышла на фотографии. Но нет. Рядом с ней я тут же чувствую себя нескладной толстухой и поспешно заправляю за ухо прядь волос, как будто это каким-то образом придаст мне презентабельности.

На мне поношенные джинсы и толстовка с пятном от чая на рукаве, и я не удосужилась перед выходом из дома даже подкрасить ресницы. Она смотрится недостижимо шикарно — с небрежным пучком на голове, одетая в бледно-зеленые льняные брюки с темно-зеленым свитером навывпуск. Видение в пастельных тонах, которое должно бы выглядеть слащаво, но почему-то не выглядит. Она отлично вписалась бы в обстановку где-нибудь на яхте на юге Франции. Она моложе меня, ей, наверное, нет еще и тридцати, но при этом выглядит она как взрослая женщина. А я выгляжу как распустеха. Они с Дэвидом, должно быть, изумительная пара.

— Я Адель, — представляется она.

Даже имя у нее экзотическое.

— Луиза. Прошу прощения за мой вид. Утром вечно собираешься впопыхах, а когда мне не нужно на работу, я предпочитаю лишних полчаса поспать.

— Глупости, — отмахивается она. — Вы прекрасно выглядите. — Она колеблется, явно собираясь что-то сказать, и я было решаю, что она хочет попроситься и отправиться дальше по своим делам, как она вдруг добавляет: — Послушайте, не хотите выпить кофе? Я, кажется, видела на углу какое-то кафе.

Это не лучшая идея. Я отчетливо это понимаю. Но она смотрит на меня с такой надеждой во взгляде, а меня прямо-таки распирает от любопытства. Это жена того-мужчины-из-бара. Дэвид женат на этом прекрасном создании, и все же он целовался со мной. Здравый смысл настойчиво подсказывает мне, что нужно придумать какую-нибудь отговорку и уйти, но, разумеется, я его не слушаю.

— С удовольствием выпью с вами кофе. Только не там. Через десять минут туда набьются все школьные мамы, а это, можете мне поверить, удовольствие ниже среднего. Если, конечно, вы не любительница детских воплей и группового кормления грудью на людях.

— Нет, я точно не любительница, — смеется она. — Тогда ведите, а я пойду за вами.

В конце концов мы устраиваемся за столиком на улице с капучино и морковным тортом из «Коста кофе». Адель настояла на том, чтобы меня угостить. Времени уже почти десять, и утренняя прохлада отступает перед лучами солнца — я слегка щурюсь, глядя на яркий желтый шар за ее плечом. Закуриваю и предлагаю ей тоже сигарету, но она не курит. Ну разумеется. С чего бы ей курить? Однако она не против, чтобы я курила, и мы учтиво беседуем: я расспрашиваю ее о том, как они обустроились на новом месте. Она сообщает, что их новый дом прекрасен, но она подумывает освежить кое-какие комнаты и как раз собиралась пойти выбрать образцы красок. Потом она рассказывает, что у них умерла кошка,

и это, конечно, слегка подпортило впечатление от переезда, но теперь Дэвид вышел на работу, и их жизнь помаленьку входит в обычное русло. Она пока еще не обвыклась на новом месте и только знакомится с окрестностями. Все, что она говорит, совершенно очаровательно, обезоруживающе застенчиво. Она очень милая. Мне так хотелось, чтобы она оказалась кошмарной стервой, но она не такая. Мне ужасно стыдно перед ней из-за Дэвида, и, наверное, стоило бы хотеть оказаться от нее подальше, но она меня просто покорила. Она из тех людей, на которых хочется смотреть и смотреть. Примерно как Дэвид.

— У вас есть друзья в Лондоне? — спрашиваю я.

Этот вопрос кажется мне безопасным. Практически у всех найдутся какие-нибудь старые друзья, осевшие в столице, — с кем вы когда-то давно общались в школе или в колледже и нашли друг друга через «Фейсбук». Даже если Лондон и не ваш родной город, рано или поздно сюда заносит всех.

— Нет. — Она качает головой и слегка пожимает плечами, потом на миг закусывает нижнюю губу и отводит взгляд. — У меня никогда не было особенно много друзей. Был когда-то давно лучший друг... — Она замолкает, и на мгновение мне кажется, что она вообще забыла о моем присутствии, но потом ее взгляд вновь возвращается ко мне, и она продолжает, так и оставив эту историю недосказанной: — Сами знаете, как это бывает. Жизнь.

Она вновь пожимает плечами. Я вспоминаю своих собственных немногочисленных оставшихся подруг и понимаю, что она имеет в виду. Чем старше мы становимся, тем меньше вокруг остается людей из прошлого.

— Я познакомилась с женами партнеров Дэвида, и они показались мне очень приятными женщинами, — продолжает она, — но они все значительно старше меня. Я получила массу предложений помогать им в благотворительных проектах.

— Я обеими руками за благотворительность, — замечаю я, — но она едва ли может сравниться с походом с друзьями в паб.

Я так это говорю, как будто только и делаю, что по вечерам хожу с друзьями по пабам, а не сижу дома в одиночестве и изо всех сил стараюсь не вспоминать о том, что произошло, когда я в последний раз выбралась в паб. «Ты целовалась с ее мужем, — напоминаю я себе. — Вы с ней не можете быть подругами».

— Какое счастье, что я познакомилась с вами, — говорит она с улыбкой и отправляет в рот кусок торта.

Она поглощает его с таким явным наслаждением, что меня даже почти не мучает совесть, когда я набрасываюсь на свою порцию.

— А на работу вы устроиться не думаете? — интересуюсь я.

Этот вопрос отчасти продиктован эгоизмом. Если она захочет работать с мужем, я могу лишиться своего места.

Адель качает головой:

— Знаете, если не считать пары недель работы в цветочном магазине много лет назад, из которой все равно ничего путного не вышло, я никогда нигде не работала. Наверное, вам это покажется глупым, и вообще, говорить об этом странно и неловко, но, в общем... — Она мнетя. — В общем, в юности у меня были кое-какие проблемы, в моей жизни произошли определенные события, с последствиями которых мне пришлось справляться, и на это ушло довольно длительное время, так что теперь я даже понятия не имею, как подступиться ко всем этим делам. Меня всегда содержал Дэвид. У нас нет проблем с деньгами, и даже если

бы мне удалось найти работу, я чувствовала бы себя так, как будто отнимаю ее у человека, которому она нужна по-настоящему и который, вероятно, делал бы ее лучше, чем я. Я думала, возможно, у нас появятся дети, но их у нас нет. Во всяком случае, пока.

Слышать его имя из ее уст странно. Не должно бы, и все же странно. Я очень надеюсь, что она не собирается поведать мне, как усердно они работают над тем, чтобы завести ребенка, потому что сегодня утром это может стать для меня последней каплей, но она меняет тему и принимается расспрашивать меня о моей жизни и об Адаме. Я с облегчением хватаюсь за возможность поговорить о чем-то, не имеющем отношения ни к Дэвиду, ни к беременности, и вскоре уже излагаю ей сжатую, а местами не очень сжатую историю своей жизни в своей неизменной манере — со всей откровенностью и чересчур поспешно. Представляю худшие ее эпизоды в забавном свете, а лучшие — в еще более забавном. Адель хохочет, пока я курю сигарету за сигаретой и жестикулирую, посвящая ее в подробности моего брака, развода, приступов лунатизма и ночных кошмаров, а также веселой жизни матери-одиночки, подавая все это под видом комичных баек.

Внезапно раздается допотопный нокиевский рингтон, мы вздрагиваем, и Адель поспешно вытаскивает из сумочки телефон. Оказывается, уже половина двенадцатого, и каким-то непостижимым образом мы успели незаметно проболтать два часа.

— Привет, — говорит она в трубку, одними губами прошептав мне «простите». — Да, у меня все в порядке. Вышла посмотреть образцы красок. Сейчас как раз решила заскочить в кафе, выпить кофе. Да, хорошо, прихвачу. Да, я успею вернуться.

Это Дэвид, больше некому. С кем еще она может разговаривать? Она отвечает односложно, склонив голову набок и произнося слова вполголоса, как будто сидит в поезде, где всем вокруг все слышно. И лишь после того, как она заканчивает разговор, я понимаю, что она даже не упомянула обо мне. Странно.

— Это не телефон, — киваю я на маленький черный кирпичик. — Это музейная реликвия. Сколько ему лет?

Адель краснеет, но, в отличие от моей, ее оливковая кожа не идет красными пятнами, а приобретает густой пунцовый оттенок.

— Он справляется со своими функциями. Послушайте, может быть, обменяемся номерами? Здорово было бы в будущем выбраться куда-нибудь еще.

Разумеется, она делает это исключительно из вежливости. Диктую мой номер, а она сосредоточенно вбивает его в телефон. Никакого другого раза не будет. Слишком уж мы непохожи. После телефонного разговора она выглядит какой-то притихшей, и мы обе как по команде принимаемся собираться. Я не могу заставить себя не смотреть на нее. Она какое-то совершенно хрупкое, неземное создание. Движения ее изящны и отточенны. И даже после падения на улице выглядит она безукоризненно.

— Что ж, приятно было познакомиться, — говорю я. — В следующий раз постараюсь не сбивать вас с ног. Удачи с ремонтом.

Мимолетное ощущение близости прошло, и теперь мы с ней полусмущенные полуснакомцы.

— Это и вправду было приятно, — говорит она и вдруг касается моей руки. — Честное слово. — Она резко втягивает в себя воздух, точно набираясь решимости. — И еще... хотя, конечно, это прозвучит глупо... — Вид у нее нервный — ни дать ни взять трепыхающаяся подбитая птаха. — Но я предпочла бы, чтобы вы не упоминали об этом при Дэвиде. О походе в кафе, я имею в виду. Собственно говоря, наверное, проще будет, если вы вообще не станете

упоминать о том, что познакомились со мной. Он очень щепетильно относится к тому, чтобы не смешивать работу и частную жизнь. Он, — она пытается подобрать слово, — разграничивает эти области. Мне бы не хотелось, чтобы он... в общем, проще будет об этом не упоминать.

— Ну разумеется, — говорю я, хотя на самом деле удивлена.

Она права, это в самом деле звучит глупо — вернее, не глупо, а странно. Дэвид такой уравновешенный и приятный человек. С чего бы ему возражать? А если он действительно возражает, что у них за брак? На его месте я бы только радовалась, что его жена обзавелась подругой.

И тем не менее в глубине души я чувствую какое-то облегчение. Пожалуй, для меня тоже будет лучше, если он останется в неведении. Решит еще, что я какая-нибудь полоумная преследовательница, если завтра я впорхну в офис и сообщу, что пила кофе с его женой. Лично я бы именно так и подумала.

Она улыбается, и я прямо вижу, как ее охватывает облегчение: напряженные плечи расслабляются и опускаются.

Распроставшись с ней и направляясь домой, где меня ждет требующая мытья ванна, я вдруг ловлю себя на мысли — хорошо, что мы с ней познакомились. Она мне нравится. Во всяком случае, я так считаю. Она милая, но при этом не приторная. И держится очень естественно. Безо всякого высокомерия, которое я было ей приписала по фотографии. Может, теперь, когда я знаю ее, меня перестанет так тянуть к ее мужу. Может, я смогу выбросить из головы тот поцелуй. Меня снова начинает грызть совесть. Адель приятная женщина. Но я ведь не смогу признаться ей, правда? Их брак — не мое дело. И вообще, я все равно, скорее всего, никогда больше ее не увижу.

Я уже и забыла, каково это — чувствовать себя счастливой. Столько времени все крутилось вокруг того, чтобы сделать счастливым Дэвида — чтобы он не впадал в мрачное настроение, перестал пить, любил меня, — что я незаметно утратила способность быть счастливой сама. Даже мысль о том, что у меня есть Дэвид, не делала меня счастливой. Никогда не думала, что такое возможно.

А теперь внутри у меня расцветают фейерверки. Сполохи разноцветной радости. Теперь у меня есть Луиза. Мой новый секрет. Она забавная и острая на язычок. Глоток свежего воздуха в унылом болоте вынужденного общения со всеми этими бесконечными докторскими женами. Она симпатичнее, чем себя считает, и если бы не пара-тройка лишних килограммов, у нее была бы изумительная фигура. Не худая и мальчишеская, как у меня, а пышная, женственная. Да и силы характера ей тоже не занимать: она умудряется с юмором рассказывать о перипетиях своей жизни там, где другие на ее месте требовали бы сочувствия или жалости. Нет, она настоящее чудо.

Вполглаза смотрю на полоски палитры с мазками краски на стене спальни — различные оттенки зеленого с претенциозными названиями. «Бледные воды Нила», «Вся зелень мира», «Весна в Тангейте», «Оливковый дымок». Не видя, ни за что и не догадаешься, какой это цвет. Мне нравятся все до единого. Расположенные друг рядом с другом, они похожи на листики из гербария. Вот только я никак не могу выбрать победителя, слишком сильно мой мозг поглощен всем тем, что мы с Луизой могли бы сделать вместе, чтобы сосредоточиться на ремонте.

Луиза работает всего три дня в неделю. Это оставляет кучу свободного времени на всякие девчачьи штучки. На спорт, например. Да, определенно. Я могу помочь ей избавиться от лишнего веса и подтянуть мышцы. Может, получится даже убедить ее бросить курить. Это было бы очень хорошо, я не могу позволить, чтобы от моих волос и одежды пахло табачным дымом. Это нас выдаст. Дэвид догадается, что у меня появилась новая подруга, и это ему не понравится.

Мы можем вместе пить вино в нашем саду или в каком-нибудь из маленьких быстро на Бродвее, болтать и смеяться, как сегодня. Я хочу знать о ней все. Я уже совершенно ею очарована. В моем воображении я уже рисую себе все те интересные вещи, которыми мы займемся вдвоем.

Убираю жестяные полоски с образцами краски и иду заваривать мятный чай. Потом проталкиваю таблетку из тех, что дал мне Дэвид, в слив кухонной раковины и пускаю воду, чтобы ее смыло.

После этого беру свой чай и выхожу в сад, на солнышко. Обеденный перерыв был совсем недавно, и у меня есть еще время до следующего звонка от Дэвида. Можно спокойно наслаждаться бездельем, смаковать это восхитительное чувство, думать и планировать. Я знаю, что Луиза не станет рассказывать Дэвиду о нашем знакомстве. Это не в ее духе. К тому же она понимает, что это не пойдет на пользу ни мне, ни ей.

Подстроить встречу с ней оказалось легче легкого, а все благодаря той карте, которую

Дэвид принес домой с работы, явно составленную с ее помощью и со знанием местных реалий. Я исполняла обязанности штурмана, когда в воскресенье днем мы поехали прокатиться по округе, заезжая в каждое из отмеченных на карте мест и наблюдая, как бутики уступают место дешевым лавкам, в которых все продается за один фунт, и заколоченным витринам, стоит отъехать от центральной улицы всего на несколько кварталов. Подземные переходы, в которые не отваживается сунуться никто в здравом уме, кроме наркоманов. Микрорайон, застроенный убогими муниципальными многоэтажками, расположенный всего в миле от нашего чудесного дома. Я видела и начальную школу с нарисованными на стенах яркими цветами. Прочитала примечание, нацарапанное корявым почерком Дэвида рядом с названием этого места.

Дальше все было делом техники.

Две незнакомки, случайно налетевшие друг на друга.

Она ничего не заподозрила.

Дэвид прождал у телефона минут десять, прежде чем они наконец отыскали ее — высоко на дереве на берегу озера, в обществе Роба, весело смеющуюся. При виде того, как они беззаботно балансируют между ветвей, на одутловатом лице сестры Марджори отражается ужас, и она приказывает им сейчас же слезть. Адель второй раз просить не приходится — при мысли о том, что сейчас она будет говорить с Дэвидом, сердце у нее готово выскочить из груди. Роб в свою очередь бормочет что-то саркастическое про страховку и клиентов, которые могут расшибиться, потом изображает, будто собирается съехать вниз по корявому стволу, отчего Марджори раздражается пронзительными воплями, идущими совершенно вразрез с благочинным духом Вестландз.

Они заливаются хохотом, точно хулиганистые школьники, но Адель уже спешит спуститься вниз, не обращая внимания на то, что футболка у нее задралась и кора царапает живот. Очутившись на земле, она со всех ног несется по лужайке к дому, даже не притормозив в коридоре. Лицо у нее покраснелось, глаза блестят. Дэвид ждет. Кажется, с его последнего звонка прошла целая вечность.

Мобильные телефоны в центре под запретом, поскольку все контакты с внешним миром строго регламентированы. К тому же здесь наверняка нет сигнала, но Дэвид звонит ей регулярно. Впрочем, на этой неделе он опять лежал в больнице по поводу руки. Она вбегает в маленький кабинет и хватает старую телефонную трубку, висящую на стене; часы, которые он больше не может носить, болтаются на ее запястье, точно массивный браслет. Они слишком ей велики и выглядят откровенно мужскими, но ей наплевать. Ощущение его часов на запястье создает иллюзию, как будто он рядом.

— Привет! — восклицает она, запыхавшись, и откидывает с лица спутанные волосы.

— Где ты была? — спрашивает он. Связь отвратительная, и его голос звучит откуда-то из немыслимого далека. — Я уже начал думать, что ты сбежала или еще что-нибудь.

Он произносит это шутливым тоном, но сквозь него прорывается беспокойство. Она смеется и по его негромкому прерывистому вздоху в трубке понимает, что он изумлен. Он не слышал ее смеха с тех пор, как все произошло.

— Не говори глупостей, — говорит она. — Куда отсюда можно убежать? Вокруг сплошные болота. И мы же с тобой смотрели «Американского оборотня в Лондоне», помнишь? Я не сумасшедшая гулять по этим бескрайним пустошам в одиночку. Там может быть что угодно. Как твое лечение? Тебе будут делать пересадку?

— Вроде бы. Но у меня уже почти ничего не болит. Хуже всего было по краям, но теперь все уже намного лучше. Не волнуйся за меня. Сама выздоравливай скорее и возвращайся домой. Я по тебе скучаю. Мы можем начать все с чистого листа. Где-нибудь подальше от этого всего, если ты захочешь.

— И поженившись, — добавляет она с улыбкой. — Давай сделаем это поскорее, как только будет можно.

Как говорит Роб, почему она не может быть счастлива? Почему она чувствует себя такой виноватой за то, что счастлива? «Нельзя обручиться в семнадцать лет, — сказал ей тогда отец. — В семнадцать лет у всех еще ветер в голове. К тому же он для тебя слишком взрослый. Кем надо быть, чтобы в двадцать два года захотеть связаться с подростком?»

Впрочем, папа ошибался. Она мечтала о Дэвиде, сколько себя помнит. Эти синие глаза

стали для нее всем с того мгновения, когда она впервые заглянула в них. Мама почти ничего не говорила, замечала лишь вскользь, что ферме грозит изъятие за долги из-за его отца-пьяницы, который пропил все, что можно, и рассеянной матери, и за душой у него нет ни гроша. Он происходил из «плохой семьи». Сколько же было способов назвать его *неподходящей кандидатурой для нашей идеальной девочки*, не произнося этого вслух. Возможно, мама говорила чистую правду, но Адель совершенно уверена, что все это не имело никакого отношения к тому, что Дэвид представлял собой в самом деле. Никогда.

Она полюбила его, когда восьмилетней девчонкой играла в полях и наблюдала за тем, как он работает. И любит до сих пор. Он будет врачом. Теперь ему нет нужды беспокоиться о выплате займа на обучение. Он станет ее мужем, а она унаследовала все. Неодобрение ее родителей больше не имеет никакого значения, и она не позволит себе испытывать угрызения совести. Ее родителей больше нет, и, как говорит Роб, как бы ни хотелось ей погибнуть вместе с ними, это все равно ничего не изменит. Единственное направление, в котором она может двигаться, — это вперед.

— Твой голос сейчас нравится мне куда больше. Он звучит бодрее.

В его тоне слышатся шуточные нотки. С оттенком, впрочем, легкой настороженности, как будто он не вполне доверяет этому внезапному подъему настроения, да это и не удивительно. Когда он звонил в прошлый раз, она едва сказала с ним пару слов, но это было десять дней назад, а с тех пор для нее очень многое изменилось.

— Я и чувствую себя бодрее, — говорит она. — Наверное, ты был прав. Пребывание здесь пойдет мне на пользу. Да, кстати, — добавляет она, почти спохватившись, — я обзавелась другом. Его зовут Роб. Мой ровесник. Он очень забавный, мы с ним вместе только и делаем, что смеемся над местными кадрами. Думаю, мы помогаем друг другу.

Это звучит чересчур театрально, но она не может ничего с собой поделать. А еще ей немного не по себе. У нее такое чувство, что после всего произошедшего дружба с Робом — это в некотором роде предательство по отношению к Дэвиду. Хотя думать так глупо, потому что это совершенно разные вещи. Если она любит Дэвида, это еще не значит, что ей не может нравиться Роб.

— Ты должен обязательно как-нибудь с ним познакомиться, — добавляет она. — Думаю, он тебе тоже очень понравится.

После его звонка я испытываю прилив энергии. Он говорит, что сегодня вернется поздно. У него, судя по всему, назначена встреча с представителями двух благотворительных организаций, в сотрудничестве с которыми он сможет помогать местным пациентам, нуждающимся в реабилитации.

Я лопочу все, что полагается, в ответ на его сбивчивые отрывистые объяснения, но внутри себя отлично представляю, что подумают эти опустившиеся наркоманы из обшарпанных многоэтажек, когда Дэвид — с его фальшивыми манерами представителя среднего класса, над приобретением которых он так усердно трудился во время учебы в медицинской школе и которые теперь намертво приросли к нему, — явится к ним с предложением обсудить их проблемы. Могу себе только вообразить, как они будут за глаза потешаться над ним. Впрочем, если ему хочется мучиться — ради бога, мне это только на руку. Потому что у меня свои планы. Да, у меня теперь есть свои планы. Эта мысль вызывает радостный трепет.

На мгновение мне почти становится его жалко, но потом я вспоминаю, что эта встреча, вполне возможно, вообще неправда. Вполне возможно, он пойдет куда-нибудь пить, или с кем-нибудь встретится, или еще куда-нибудь. Это будет не в первый раз, с чистого листа или нет. У него и раньше были от меня секреты. Мне недосуг его проверять. Во всяком случае, сегодня. Мои мысли сейчас заняты совершенно иными вещами.

Я говорю ему, что выбрала, в какой цвет хочу перекрасить спальню, и выражаю надежду, что ему понравится. Он изображает заинтересованность. Потом говорю, что приняла таблетки, чтобы ему не пришлось об этом спрашивать. Наверное, если бы он мог, то каждый раз являлся бы домой, чтобы лично проследить, как я их глотаю, но приходится верить мне на слово. Ему нужна покладистая жена. Эти несколько дней мирного сосуществования доставили мне большое удовольствие, но дальше так продолжаться не может. Во всяком случае, если я хочу спасти нашу любовь. Но пока что я ему подыгрываю. А тем временем готовлю почву. Нужно только не терять присутствия духа. Мне уже удавалось это прежде. Удастся и на этот раз.

Закончив разговаривать по телефону, снова поднимаюсь на второй этаж и делаю нарисованные на стене спальни цветные линии длиннее и толще. С другого конца комнаты в бликах солнечного света они выглядят, как все краски леса. Во всяком случае, как краски листвы. Наверное, следовало бы разбавить их еще несколькими оттенками светло-коричневого и желтого, но теперь уже поздно. Ладно, хватит с него и зеленого. Я смотрю на стену и думаю о листве и деревьях. И он тоже будет о них думать. Мне кажется, что он не в состоянии думать больше ни о чем. *За деревьями не видит леса.*

Тщательно мою руки, чтобы избавиться от раздражающих пятен краски, вьевшихся в кожу, и спускаюсь в подвал. Грузчики под руководством Дэвида снесли несколько коробок прямо туда. Он даже не поинтересовался, где мне хотелось бы видеть их содержимое. А с другой стороны, он знает, что мне все равно. В глубине души. Пусть прошлое остается в прошлом. Зачем его все время ворошить? В эти коробки уже сто лет никто не заглядывал.

В подвале, куда из-за отсутствия окон не проникает солнечный свет, зябко. Одинокaя желтая лампочка светит мне сверху, пока я разглядываю коробки, пытаюсь сообразить, которая из них мне нужна. Людей редко заботит, как выглядит их подвал. А ведь грубые голые стены во многих отношениях говорят о духе дома куда больше, нежели все остальное.

Передвигаюсь осторожно, чтобы не испачкать одежду пылью. Пятна краски — куда ни шло, а вот пыль может вызвать подозрения. Дэвид знает, что я терпеть не могу, когда в доме грязно. Не хочу, чтобы он спрашивал, где я нашла пыль. Не хочу врать ему больше, чем требуется. Я люблю его.

То, что мне нужно, оказывается у самой дальней стены, куда почти не доходит тусклый свет. Четыре картонные коробки, составленные штабелем, выделяются потрепанным видом на фоне остальных — с ненужными книгами, старыми папками и прочим подобным барахлом. Этим коробкам уже очень много лет, из них никогда ничего не вынимали, а картон, из которого они сделаны, более плотный и крепкий. Подходящее вместилище для того, что осталось от чьих-то жизней. Вернее, той части, что уцелела после пожара.

Осторожно снимаю самую верхнюю, ставлю ее на пол и заглядываю внутрь. Кажется, там серебряные подсвечники. Какая-то утварь. Изящная шкатулка для украшений. Перехожу к следующей коробке. То, что я ищу, обнаруживается не сразу. Она прячется в гуде разрозненных фотографий и альбомов с репродукциями, а также книг, избежавших огня. Они до сих пор пахнут гарью. Не дымом, нет. Дым пахнет приятно. А эти пахнут чем-то уничтоженным, обугленным и горьким. Копаюсь в ворохе рассыпанных фотографий, которые с шуршанием выскальзывают из моих пальцев, но тут мне вдруг бросается в глаза мое собственное лицо: более пухлое, сияющее юностью и улыбающееся. Мне тут лет пятнадцать. Я с трудом узнаю это лицо. Отбрасываю снимок и сосредотачиваюсь на своих поисках. Она должна быть где-то здесь, спрятанная там, где Дэвид точно не стал бы ее искать, — среди вещей, которые принадлежат только мне.

Она обнаруживается на самом дне, под всем этим хламом, но, к счастью, целая и невредимая. Моя старая тетрадь. Выжимки секретов мастерства. Она совсем тоненькая — последние несколько страниц были вырваны много лет назад, потому что есть вещи, которые никому лучше не знать, — но тем не менее она не разваливается. Открываю ее, затаив дыхание; немногочисленные оставшиеся страницы холодят пальцы, бумага слегка покоробилась от многолетнего пребывания в темноте и сырости, отчего на ощупь страницы кажутся хрупкими, точно палая осенняя листва. Первая страница исписана четким, аккуратным почерком; ключевые места подчеркнуты. Инструкции из прошлой жизни.

Раз в час ущипнуть себя и произнести: «Я не сплю».

Я смотрю на эти слова, и мне кажется, они были написаны буквально только что. Вижу нас двоих, мы сидим рядышком под деревом; дует восхитительный ветерок, и озерную гладь морщит легкая зыбь. Ощущение очень яркое, почти явственное, вовсе не бледное воспоминание десятилетней давности, и меня вдруг пронзает до странности острая боль. Делаю глубокий вдох и усилием воли подавляю ее.

Потом составляю коробки обратно в точности в том же порядке, как они стояли, и несy тетрадь к себе наверх. Держу ее так бережно, будто это какая-то древняя рукопись, которая может от света рассыпаться прямо у меня в руках, а не дешевенькая ученическая тетрадь, много лет назад прихваченная из Вестландз. Прячу ее в закрывающийся на молнию карман моей спортивной сумки; там ее никто не увидит.

Это именно то, что нужно моей новой подруге. Мне не терпится поскорее поделиться с

Луизой ее содержимым. Она — мой секрет, а очень скоро секрет у нас с ней будет общий.

Домой он в результате приходит не так уж и поздно, в пять минут восьмого. В кухне пахнет едой — на плите томится изумительное тайское карри, — мне надо было чем-то себя занять в ожидании, поэтому я тащу Дэвида наверх, чтобы показать пробные полосы на стене спальни.

— Тебе какой больше нравится? — спрашиваю я. — Не могу выбрать между «Летней зеленью» вон там слева и «Лесной дымкой» справа.

На самом деле оба оттенка называются совершенно по-другому, но он все равно об этом никогда не узнает. Я импровизирую на ходу. Возможно, я слишком заморачиваюсь или просто себя накручиваю. Вполне может быть, что он вообще меня не слышит. Он смотрит на полосы краски, поблескивающие в свете закатного солнца. Мне ясно: он увидел в них ровно то же самое, что и я.

— Почему именно эти цвета?

Голос у него ничего не выражающий. Ровный. Мертвый. Он оборачивается ко мне, и я вижу все это в его холодном взгляде. Все, что стоит между нами.

Отлично, думаю я, морально готовясь к очередному приступу ярости или сеансу игры в молчанку и заранее припасая шпильки поядовитей.

Ну, поехали.

Когда я прихожу на работу, Дэвид уже сидит у себя в кабинете. Пока я раздеваюсь и вешаю свое пальто, Сью выразительно приподнимает брови и качает головой:

— Кто-то сегодня с утра явно встал не с той ноги.

На мгновение я решаю, что это камень в мой огород, потому что вид у меня наверняка мрачный и невыспавшийся. Я опять проснулась от своего всегдашнего кошмара, а потом долго лежала в постели без сна, думая о Лизиней беременности — я пока еще не могу воспринимать ее как нового ребенка Иэна — и о том, что Адам уедет на месяц. К тому моменту, когда на часах пробило семь утра, я успела выпить три чашки кофе и выкурить три сигареты, и настроение у меня было ниже плинтуса. Почему-то известие о Лизиней беременности воскресило в моей душе все те ужасные переживания, через которые я прошла, когда ушел Иэн, и его счастье я воспринимаю как новое предательство. Понимаю, что это глупо, но ничего не могу с собой поделать. Сью, впрочем, имеет в виду вовсе не меня, а Дэвида.

— Он даже не поздоровался, — продолжает она, наливая мне чаю. — А я-то считала его таким приятным человеком.

— У всех бывают неудачные дни. Может, он просто «сова».

— Ну так нечего тогда являться на работу ни свет ни заря. Кажется, ранняя пташка у нас теперь он, а не ты.

В логике ей не откажешь. С улыбкой пожимаю плечами, но сердце у меня готово выскочить из груди. Может, Адель рассказала ему о нашем походе в кафе? А он пришел к выводу, что я чокнутая маньячка-преследовательница, и теперь готовится меня уволить? Меня придавливает осознание собственной вины. Даже если она ничего ему не сказала, я должна признаться во всем сама. У меня в жизни и без того полным-полно проблем, чтобы еще хранить секреты по просьбе его жены. И вообще, ее я практически не знаю, а он как-никак мой начальник. К тому же у меня не было другого выбора, кроме как пойти пить с ней кофе. Она меня пригласила. Что я должна была сказать? Мне вспоминается выражение ее лица, встревоженное и сконфуженное, когда она просила меня ничего не говорить ее мужу о нашей случайной встрече, и меня начинают одолевает сомнения. Она выглядела такой уязвимой. Но я должна ему сказать. Должна. Он поймет. Обязательно поймет.

Я должна набраться мужества и снять с души этот камень, поэтому вместо того, чтобы просмотреть вчерашние записи Марии, по обыкновению аккуратно набранные на компьютере и распечатанные, я направляюсь к двери его кабинета и решительно стучусь, хотя сердце у меня готово уйти в пятки. Потом, не дожидаясь ответа, открываю ее и переступаю через порог. Уверенный вид. Вот что мне поможет.

— Я должна кое-что вам рас...

— Черт! — рывкает он, не дав мне договорить.

В руках у него банка дорогого кофе — не того, что мы держим в клинике, а принесенного из дома, — с которой он пытается снять плотную защитную пленку из фольги, и когда он оборачивается, все вокруг оказывается усеяно мелкой коричневой пылью.

— Вашу мать, вас что, не учили, что нужно стучаться?

Выражение «испепелить взглядом» всегда казалось мне преувеличением. До этого самого момента. Враждебность и гнев в его тоне действуют на меня как пощечина.

— Я стучалась, — лепечу я. — Простите. Я сейчас сбегая за тряпкой.

— Я сам, — рывкает он, вытаскивая из коробки на письменном столе несколько салфеток. — Влажной тряпкой вы только грязь тут развезете.

— Хорошо хоть на ковер ничего не попало, — делано бодрым тоном говорю я. — Что толку причитать над рассыпанным кофе.

— Вы чего-то хотели?

Он устремляет на меня тяжелый взгляд, и у меня такое чувство, что передо мной незнакомец. Холодный. Отстраненный. Куда только девались всё его прежнее непринужденное обаяние и теплота. Нервы у меня на пределе; я чувствую, как от обиды перехватывает горло. Теперь я точно ни за что не стану рассказывать ему про поход в кафе с Аделью. Во всяком случае, пока он не отошел. Даже и не помню, когда мне в последний раз удавалось так кого-то разозлить, не сделав ровным счетом ничего предосудительного. Так вот что скрывается за его лощеным фасадом? В мою голову закрадывается подозрение: не поэтому ли Адель скрывает от него своих друзей?

— Я хотела спросить, не сделать ли вам кофе, — произношу я, изо всех сил стараясь высоко держать голову. — Но, вижу, вы уже сами обо всем позаботились.

С этими словами я разворачиваюсь и с ледяным достоинством выхожу, бесшумно закрыв за собой дверь. Это самое большее, что я могу сделать, чтобы не потерять работу, но на самом деле мне куда сильнее хочется выскочить из его кабинета, с грохотом хлопнув дверью. Опустившись за свой стол, я обнаруживаю, что меня трясет от гнева. Я не сделала ничего плохого. Как он посмел так со мной разговаривать? Так меня унижать?

Если я и испытывала какие-то угрызения совести по поводу похода в кафе с Аделью, от злости они отступают на второй план. И вообще, что было между мной и Дэвидом? Один жалкий поцелуй? Этим все и ограничилось, к тому же то воспоминание с каждым днем все больше походит на сон о чем-то, чего никогда не было на самом деле. На фантазию. И потом, мы с Аделью, скорее всего, рано или поздно все равно бы встретились. На рождественской вечеринке или еще где-нибудь. Так не все ли равно, если мы с ней уже успели познакомиться по воле случая.

— Я же тебя предупреждала. — Подошедшая Сью ставит мне на стол совершенно забытую чашку с чаем. — Не принимай близко к сердцу. Ты же знаешь мужчин. В глубине души они все скандальные дети. — Она наклоняется ко мне. — В особенности богатенькие баловни судьбы.

Я смеюсь, хотя в глубине души все еще испытываю обиду на то, как несправедливо со мной обошлись.

«Возьми себя в руки, Луиза, — говорю себе я и, включив компьютер, начинаю рабочий день. — И делай свою работу дальше. Адель все равно никогда больше о тебе не вспомнит, а Дэвид твой начальник».

В полдень появляется семейство Хокинз. Сразу бросается в глаза, что пациент, Энтони Хокинз, двадцати одного года от роду, пришел сюда не по своей воле. Его родители, несгибаемые представители верхушки среднего класса, возрастом ближе к концу шестого десятка, вносят с собой облако запахов: дорогая пудра, духи, одеколон. Оба хорошо и со вкусом одеты: на нем костюм, на ней дизайнерская блузка с юбкой и нитка жемчуга. Но я не

могу не заметить, какой потухший у нее взгляд. Провожу их в приемную, напоминающую салон в элитном клубе. Жена присаживается в мягкое кресло, устроившись на самом его краешке. Муж остается стоять, спрятав руки в карманы, и молодцеватым тоном меня благодарит. Несмотря на всю его чрезмерно самоуверенную сердечность, понятно, что ему нравится здесь не больше, чем их отпрыску.

Энтони Хокинз худ, даже слишком худ, он постоянно вздрагивает и подергивается от тика, а его глаза, полные первобытной ярости существа, загнанного в угол и готового отбиваться, похоже, живут на лице совершенно отдельной жизнью. Такие бегающие глаза еще бывают у некоторых детских игрушек: перескакивая с места на место, они, кажется, не способны сфокусироваться ни на чем, по крайней мере ни на чем из того, что все остальные способны видеть. На меня он не смотрит. Даже если бы мне не было известно о том, что он героиновый наркоман, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы об этом догадаться. Ходячий плакат о вреде наркотиков. Кажется, Энтони в любой миг готов взорваться, но я вижу, что все это главным образом страх. Впрочем, это не мешает мне держаться от него на благоразумном расстоянии. Страх отнюдь не помеха насилию, и я всегда осторожничаю с пациентами, которых направил к нам суд.

— Я не хочу, — бормочет он, когда Дэвид выходит, чтобы пригласить его к себе в кабинет. — Со мной все в полном порядке.

У него выговор выпускника привилегированной частной школы.

— Ваши родители могут подождать вас здесь, — говорит Дэвид.

Тон у него безукоризненно вежливый, но твердый. Ничто в нем не напоминает о его недавнем дурном настроении, однако на меня он вообще не смотрит.

— Это займет всего час. Больно не будет. — Дэвид слегка пожимает плечами и улыбается Энтони своей обезоруживающе обаятельной улыбкой. — И будем надеяться, это поможет вам избежать тюрьмы.

Наконец Энтони фокусирует на нем взгляд; в его настороженных, бегающих глазках наркомана светится подозрение, однако он с видом смертника, идущего на виселицу, все же плетется следом за Дэвидом в кабинет.

Едва за ними закрывается дверь, как плечи миссис Хокинз поникают и маска напускного стоицизма слетает с нее. Меня охватывает чувство жалости к ней. Что бы Энтони ни натворил, это не прошло для его родителей даром. А ведь он совсем не так давно был малышом вроде Адама. В глазах его матери, возможно, он до сих пор таким и остался. Я приношу им по чашке чаю — в фарфоровых чашках с блюдцами, которые мы подаем клиентам, а не в керамических кружках, из которых пьем сами, — и сообщаю, что доктор Мартин — весьма уважаемый специалист. Я не уверяю их, что он поможет их сыну, — мы не имеем права раздавать обещания, — но мне хочется как-то их ободрить. Вижу в глазах женщины благодарность, как будто мои слова целительным бальзамом проливаются на ее измученную душу.

Мысль о том, как все в мире непредсказуемо, заставляет меня вспомнить про Адама. Охваченная внезапным приступом материнской паранойи, я ни с того ни с сего беспокоюсь: вдруг в школе или на продленке что-то случилось, а все рабочие телефоны были заняты? Роюсь в сумке в поисках мобильного, но пропущенных звонков на нем не обнаруживается. Все, разумеется, в полном порядке, как обычно. Зато пришло сообщение. От Адели. Вот черт. Ну почему я ему не сказала?

Если у вас завтра выходной, не хотите куда-нибудь выбраться? Можно съездить в

спортклуб. У них там есть сауна и бассейн, можно будет немного расслабиться. Я могу оформить вам разовый пропуск. Буду рада компании. А.

Какое-то время стою столбом, таращась на экран. Черт. И что мне теперь делать? Я пребывала в полной уверенности, что она взяла мой номер просто из вежливости. Мои пальцы застывают над клавиатурой. Может, вообще не отвечать? Наверное, так и стоило бы поступить. Но это было бы грубо, и тогда мне было бы неудобно уже перед ними обоими. Черт, черт, черт. Я уже собираюсь написать Софи и спросить у нее совета, но затем передумываю. Я и так знаю, что она скажет, а если я расскажу ей о том, что подружилась с Аделью, это будет как тот фарш, который невозможно повернуть назад, и придется и дальше держать ее в курсе дела. А я не хочу превращать свою жизнь в развлечение для нее.

Перечитываю сообщение еще раз. Надо ответить. Надо согласиться. Ну подумаешь, я спьяну разок потискалась с Дэвидом. Эта история уже в прошлом, с ней покончено. Для нас обоих это была глупая ошибка. Может, Адель станет мне новой подругой. У меня такое чувство, что я ей нужна. Ей явно одиноко. Я вчера прямо-таки физически это ощущала. И не ей одной, как бы яростно я это ни отрицала. Мне тоже одиноко — и до ужаса страшно, что в обозримом будущем ничего другого не светит. Лишь бесконечные недели, сливающиеся одна с другой.

Нам с Аделью обеим одиноко. Несмотря на всю ее стильность и подкупающую манеру держаться, один бог знает, что там у них за брак, если ее муж на досуге шляется по барам, надирается и обжимается с посторонними бабами. Он сказал, что обычно так себя не ведет, но они все так говорят. Что еще он мог сказать? Кто же знал, что нам предстоит вместе работать? И да, позавчера он был со мной исключительно мил, зато сегодня как с цепи сорвался. Может, позавчера он просто боялся, как бы я не рассказала обо всем доктору Сайксу? Если подумать, мне следовало бы в этой ситуации быть на стороне Адели. Уж кому, как не мне, знать, каково это — жить с мужчиной, который тебе изменяет. Я очень хорошо помню, каким ударом стало для меня в свое время это открытие, и оказаться потенциальным источником подобной боли для другой женщины мне не слишком приятно.

Может, я толком ее и не знаю, но Адель очень милая. Она мне нравится. И приятно в кои-то веки получить от кого-то эсэмэску с предложением чем-нибудь заняться, вместо того чтобы самой рассылать их другим. Надо с ней встретиться, хотя бы из вежливости. А если мы сдружимся, я потом во всем признаюсь Дэвиду. Скажу, что собиралась рассказать ему о нашем знакомстве с Аделью, но он был так раздражен, что я не отважилась. Неплохой выход. Я немедленно чувствую себя лучше.

Во всем этом есть только одна заковыка. Почему она не предложила сходить пообедать и выпить вина? При одной мысли о спортклубе мне хочется куда-нибудь спрятаться. Я уже сто лет не занималась никаким спортом, кроме беготни за Адамом, а поскольку ему уже шесть лет, то даже и бегать за ним уже практически не приходится. Адель такая спортивная и подтянутая, что мне рядом с ней только позориться. У меня даже формы для занятий нет. Во всяком случае, такой, которая на меня бы налезла.

Я уже совсем было собираюсь сочинить какую-нибудь неубедительную отговорку и трусливо отказаться, но потом останавливаюсь. Я же не далее как в эти выходные в приступе жалости к себе дала клятву похудеть за время отсутствия Адама. Заняться наконец собой. И поспешно, пока не передумала, принимаюсь набирать ответное сообщение:

Хорошо, только я сто лет уже ничем не занималась, так что, чур, не смеяться!

Я очень собой довольна. Да пошел он к черту, этот Дэвид. Я не делаю ничего

предосудительного. Ответ приходит практически мгновенно.

Отлично! Напишите мне адрес, я за вами заеду. Примерно в полдень?

При мысли об Адели в моей квартирке мне делается чуть ли не более дурно, чем при мысли о спортклубе.

Я пишу в ответ:

Может, лучше встретимся прямо на месте?

Что за глупости! Я буду на машине.

Деваться мне некуда, и я обреченно набираю свой адрес. Не забыть вечером прибраться и пропылесосить! Это, разумеется, глупо. Я мать-одиночка, живущая в Лондоне, — Адель не может не понимать, что я обитаю не во дворце, — но я знаю, что буду чувствовать себя неловко. Хотя не так неловко, как в спортклубе. С другой стороны, все это послужит проверкой новой дружбы на жизнеспособность, а заодно и последним гвоздем в гроб несчастлившегося романа между мной и Дэвидом.

Всего один день. Все будет хорошо, уговариваю я себя. Что может пойти не так?

Прием затягивается на лишние полчаса, но когда Энтони наконец выходит из кабинета, он держится заметно спокойней. Тик, конечно, никуда не делся, но его определенно отпустило. Все время, пока Дэвид беседует с его родителями и провожает их к выходу, Энтони то и дело вскидывает на него глаза. В его взгляде так и сквозит неловкое восхищение, хотя он и пытается скрыть его от родителей. Интересно, что такого сказал ему Дэвид, как ему удалось так быстро его к себе расположить? Потом я — с легкой злостью — напоминаю себе, как я сама чувствовала себя в том баре. Он умеет заставить собеседника чувствовать себя особенным. Я была на месте Энтони. Я его отлично понимаю. Мы с ним, судя по всему, легко покупаемся на такие вещи.

Когда Дэвид подходит к моему столу, я делаю вид, будто печатаю какое-то письмо. Он тоже кажется намного спокойней, словно необходимость разбираться с чужими проблемами заставила его забыть о своих собственных. Сохраняю невозмутимый вид. Не знаю, почему я позволила ему вывести меня из равновесия. Но обиднее всего то, что он по-прежнему вызывает у меня мурашки. Когда он рядом со мной, я кажусь себе на редкость неуклюжей.

— Я записал Энтони Хокинза еще на один прием, в пятницу, — сообщает он. — На то же самое время, в три сорок пять. Все данные уже в компьютере.

Я киваю:

— Выставить им счет за лишние полчаса приема?

— Не надо, это моя вина. Я не хотел прерывать Энтони, раз уж он начал говорить.

Интересно, что сказал бы по этому поводу доктор Сайкс? Возможно, Дэвид и хочет время от времени помогать людям на благотворительных началах, но здесь у нас точно не благотворительное заведение. Ладно, это не мое дело. Хотя это был великодушный поступок с его стороны, и это приводит меня в легкое замешательство. Не человек, а сплошное противоречие.

Он подходит к двери своего кабинета, потом разворачивается и быстрым шагом возвращается к моему столу:

— Послушайте, Луиза, мне очень стыдно за то, что я был так груб с вами сегодня утром. У меня было поганое настроение, и с моей стороны очень некрасиво было срывать его на вас.

В своем раскаянии он выглядит таким искренним. Я изо всех сил стараюсь держаться

отстраненно.

— Да, это действительно было не очень красиво, — соглашаюсь я. — Но я всего лишь ваша секретарша, так что это не имеет никакого значения.

Я произношу эту фразу холоднее, чем собиралась, и он слегка вздрагивает. Я утыкаюсь в экран компьютера, чувствуя, как бешено колотится сердце. Ладони у меня предательски потеют.

— В общем, я хотел извиниться перед вами.

В его голосе больше нет ни следа былой мягкости, и через миг он уже удаляется в сторону кабинета. Я хочу окликнуть его, уже жалея о своей резкости, но потом вспоминаю, что завтра встречаюсь с Аделью, и этот секрет, в котором я так ему и не призналась, отрезает мне дорогу к отступлению. Рассказать обо всем сейчас? Сверлю взглядом закрытую дверь кабинета. Нет, не буду. Лучше мне придерживаться своего плана. Если наши встречи с Аделью станут регулярными, тогда и скажу.

Мне совершенно необходимо выпить кофе. На самом деле мне сейчас нужно кое-что покрепче, но пока придется ограничиться кофе. Господи, ну почему все так запуталось?

— Господи, какой кайф. Всю бы жизнь тут сидела.

Луиза рядом со мной прислоняется затылком к деревянной стенке и издает блаженный вздох. Мы сидим на верхней полке в парилке, окутанные клубами ароматного пара, скользкие от капелек воды и пота на коже.

— У меня обычно получается высидеть тут максимум минут десять, — говорю я. — Ты, наверное, любишь жару.

Впрочем, время я провожу вполне неплохо; последние остатки напряжения покинули мое тело, поскольку не расслабиться здесь невозможно. Эти два часа прошли просто отлично. Луиза так мило стеснялась, когда я поднялась к ней в квартиру. Ей явно не хотелось, чтобы я заходила внутрь, — собранная сумка с вещами стояла около двери, — но я упростила ее устроить для меня небольшую экскурсию по ее жилищу. Отказаться она не могла: что-что, а грубость точно не в ее характере. Это было мне только на руку, поскольку хотелось увидеть ее квартиру изнутри.

— Пожалуй, это самое близкое подобие отпуска, на которое я могу рассчитывать в этом году, — со смешком бормочет она.

Я тоже закрываю глаза и мысленно прохожусь по комнатам в ее квартире. Гостиная; один телевизор, кремовый диван с бежевой накидкой, прикрывающей просиженные подушки, небольшой след от сигареты на левом подлокотнике. Голубой ковер — практичной расцветки, детоустойчивый. Главная спальня. Небольшая, но двуспальная кровать туда все же влезла. Оклеенные узорчатыми обоями стены. Белый встроенный шкаф. Белый же комод с разбросанной по нему в беспорядке косметикой. Кучка дешевой бижутерии, вываливающейся из небольшой косметички — из тех, что дают бесплатно при покупке крема для лица или в подарочных комплектах. Халат, висящий на крючке с обратной стороны двери, — некогда белоснежно-махровый, теперь же безнадежно застиранный и замызганный, с пятнами не то от чая, не то от кофе на рукавах.

Я научилась не упускать из виду ни одной мелочи. Мелочи очень важны, когда возникает необходимость *увидеть* определенное место. Квартирка у Луизы малогабаритная. Комната Адама — ее я не стала рассматривать внимательно — намного меньшего размера и представляет собой одно сплошное пестрое пятно, но определенно уютная. Обжитая.

— К тому же, — вновь подает голос Луиза, и я, убедившись, что все необходимое надежно сохранено в моей памяти, внимательно слушаю, — сидеть в парилке всяко лучше, чем убиваться в спортзале. Завтра у меня будет болеть все.

— Зато потом ты скажешь себе за это спасибо, — замечаю я.

— Кажется, я уже, — отзывается она. — Тебе спасибо за помощь. И за то, что не стала надо мной смеяться.

Меня охватывает чувство нежности к ней. Нужно признать, держалась она вполне прилично, учитывая все обстоятельства. Во всяком случае, старалась. Я сегодня не стала выкладываться на беговой дорожке в полную силу, не хотела ее смущать. Сегодняшний поход в клуб был затеян не ради моих тренировок, а чтобы заронить мысль о занятии спортом в

голову Луизы. Поскольку весь вчерашний день я провела в постели, все суставы у меня занемели, и размяться было приятно, пусть даже и не в полную силу. Мы устроили легкую кардиотренировку, а потом я стала показывать ей разные тренажеры, которые она отважно перепробовала один за другим в соответствии с небольшим комплексом упражнений, который я для нее составила, чтобы заинтересовать ее мышцы.

— А знаешь, вдвоем заниматься куда веселей, — произношу я таким тоном, как будто эта мысль только что пришла мне в голову. — Может, будешь ходить сюда со мной за компанию в твои свободные дни? — Я делаю паузу и, склонив голову, понижаю голос: — И по выходным, когда я буду приходить одна. В смысле, без Дэвида.

Она бросает на меня взгляд, в котором беспокойство мешается с любопытством, но не спрашивает, почему такая секретность. Впрочем, она и не спросит. Мы пока что еще не настолько сблизились.

— Это было бы неплохо, — произносит она после небольшой паузы. — Мне нужно будет чем-то занять себя в этот месяц. Адам едет во Францию с отцом. Я понимаю, что для него это отличная возможность и все такое, и, наверное, это прозвучит глупо, потому что большую часть времени я страшно от него устаю и вроде бы должна прыгать от радости от перспективы провести месяц в одиночестве, но я уже не очень понимаю, куда себя деть, — прорывает ее вдруг. — Завтра у них последний день занятий, он будет в школе до обеда, а потом в пять тридцать его отец за ним заедет. Все закрутилось так быстро, что я пока еще не успела уложить эту идею у себя в голове. — Она вдруг выпрямляется, в ее широко распахнутых глазах мелькает какая-то мысль. — Вот черт. Я же хотела взять завтра отгул, но напрочь об этом забыла. Теперь придется звонить им и умолять.

— Не заморачивайся, — советую я. Ну еще бы она не забыла. Голова у нее была занята совершенно другим. — Позвони и скажи, что заболела. Зачем тебе терять деньги?

По ее лицу пробегает тень.

— Даже и не знаю. — Она бросает на меня взгляд. — Твой муж вчера и так был в отвратительном настроении, не хочу еще его усугублять.

Я принимаюсь разглядывать собственные колени.

— На него иногда находит, — произношу я вслух почти смущенно, прежде чем поднять голову и мягко ей улыбнуться. — Но если ты позвонишь и скажешь, что заболела, это ничего не изменит. К тому же это всего на один день. Для тебя это важно, а им все равно.

— Ну да, — говорит она. — Может, и позвоню.

Мы какое-то время сидим молча, потом она спрашивает:

— Вы давно женаты?

Это безобидный вопрос. Будь мы с ней обычными подругами, она задала бы его куда раньше, но, разумеется, мы с ней совсем не обычные подруги.

— Десять лет, — говорю я. — С моих восемнадцати. Я полюбила его с первого взгляда. Он — моя половинка. Я сразу это поняла.

— Надо же, как рано, — замечает она.

— Может быть. Наверное. Ты знаешь, что он спас мне жизнь?

— Что спас?! — Еще секунду назад совершенно разомлевшая от жары, теперь она смотрит на меня во все глаза. — Ты имеешь в виду, в буквальном смысле или в метафорическом?

— В буквальном. Мои родители в ту ночь погибли.

— Господи, прости, пожалуйста.

Со своими влажными светлыми кудряшками, убранными за уши так, что вода стекает на плечи, она кажется совсем юной. Если она скинет пару-тройку килограммов, лицо у нее будет выглядеть просто потрясающе.

— Ничего страшного, это было очень давно.

— Что произошло?

— Если честно, я не помню о событиях той ночи ровным счетом ничего. Мне было семнадцать, скоро должно было исполниться восемнадцать. Я спала в своей комнате в доме моих родителей в их поместье в Пертшире.

— У твоих родителей было поместье? Настоящее загородное поместье?

— Угу. Фейрдейл-Хаус — так оно называлось. — Чувствую, как интерес Луизы ко мне возрастает прямо на глазах. Ну еще бы: прекрасная принцесса с искалеченной судьбой. — Я же говорила, что у меня никогда не было настоящей необходимости работать. В общем, — я пожимаю плечами, как будто мне неловко об этом говорить, — моя комната находилась довольно далеко от их спальни. Мы были из тех, кому нужно много личного пространства. Во всяком случае, они точно. Они любили меня, но нежными родителями их назвать было нельзя, если можно так выразиться. Впрочем, когда я подросла, то поняла, что в этом есть свои плюсы. Ну, то есть я могла врубить у себя музыку на полную громкость и тайком проводить к себе на ночь Дэвида, ну и все в таком роде.

— И?

Она жадно слушает, но я вижу, что ей не терпится скорее перейти к сути истории — к Дэвиду. Вот и прекрасно. Все равно про пожар я ничего ей рассказать не могу. Все, что мне известно, я знаю с чужих слов.

— Короче говоря, в тот вечер у моих родителей были гости, и дознаватели считают, что к тому моменту, когда гости ушли, они оба были прилично пьяны. В какой-то момент начался пожар и стал быстро распространяться. Когда в два часа ночи Дэвид ворвался в дом, пробрался в мою спальню и вытащил меня на улицу, половина здания уже была в огне. Как раз та половина, в которой мы жили. Я была без сознания. Мои легкие повредило дымом, а Дэвид получил ожог плеча и руки третьей степени. Ему пришлось даже делать пересадку кожи. Думаю, он отчасти потому и пошел в психиатрию вместо хирургии. У него были повреждены нервные окончания. Несмотря на ожоги, он все равно попытался вернуться за моими родителями, но это было невозможно. Если бы не он, я бы тоже погибла.

— Ничего себе, — тянет Луиза. — Потрясающая история. Ну, то есть, разумеется, история ужасная, но в то же самое время и потрясающая. — Она умолкает. — А что он делал там посреди ночи?

— Он не мог уснуть и захотел меня увидеть. Через несколько дней он должен был уезжать в университет. Думаю, это был просто счастливый случай. Впрочем, я стараюсь не слишком часто обо всем этом думать.

Луиза все еще находится под впечатлением, и у меня мелькает мысль, что эта история наверняка слегка задела ее за живое. Заставила почувствовать себя вторым сортом. Наверное, она привыкла чувствовать себя вторым сортом. Может, она сама этого не понимает, но в ней есть природный шик, а люди обычно стараются это приглушить. Я намереваюсь вернуть его обратно.

— Так, пойду-ка я окунусь в бассейн, пока не сжарилась окончательно, — говорю я. Все эти разговоры о пожаре сделали пребывание здесь совершенно невыносимым. — Не хочешь потом зайти в ресторан и взять по салатику? Они здесь у них отличные. Полезные и при

этом вкусные.

— Запросто, — говорит она. — Я с тобой такими темпами глазом не успею моргнуть, как снова буду влезать в свои джинсы десятого размера.

— А почему бы и нет?

— Действительно, почему бы и нет?

Она вдохновенно мне улыбается, и я выхожу из душной парилки в благословенную прохладу, чувствуя себя абсолютно счастливой. Она мне нравится. Очень нравится.

Я прыгаю в бассейн и, погрузившись в восхитительно холодную воду, принимаюсь сосредоточенно рассекать ее быстрыми четкими гребками. Мое тело требует нагрузки, движения, связанного с ним выплеска адреналина. Я люблю адреналин.

По пути в кафе, посвежевшие и с высушенными волосами, мы проходим мимо часов, и я бросаю на них взгляд. Уже два.

— Неужели уже так поздно? Погоди-ка, — останавливаю ее я и, присев на корточки, принимаюсь в панике рыться в сумке.

— Что-то случилось? — спрашивает Луиза. — Ты что-то оставила в раздевалке?

— Нет, дело не в этом. — Я с отсутствующим видом хмурюсь. — Телефон. Я забыла телефон. Понимаешь, я не привыкла иметь телефон, но сейчас уже два часа, и если я не отвечу...

Теперь настал мой черед сбивчиво перед ней объясняться. Я вскидываю на нее глаза и выдавливаю улыбку. Выглядит она не очень убедительно.

— Слушай, давай лучше поедem ко мне и перекусим там? Салаты тут, конечно, хорошие, зато у меня в холодильнике есть всякая вкуснятина. Устроим себе маленький пикник в саду.

— Ты знаешь, я лучше не... — начинает она, явно не горя желанием оказаться в моем доме — в доме Дэвида, — но я не даю ей договорить.

— Я потом отвезу тебя домой. — Снова улыбаюсь самой ослепительной, обаятельной и сверкающей улыбкой. — Мы отлично проведем время.

— Ну ладно, — соглашается она после небольшого колебания, хотя я вижу, что ей все еще неудобно. — Давай. Но только ненадолго.

Нет, она положительно мне нравится. Сильная, теплая, остроумная.

И так легко поддающаяся влиянию.

В машине я пытаюсь завязать разговор и донести до Адели, что могу провести у нее не больше часа: Адама привезут из гостей, куда его пригласили после школы, в пять, и мне надо быть дома к половине пятого самое позднее, но она не слушает. Рассеянно угукает, но сама поминутно смотрит на часы на приборной панели и сосредоточенно гонит машину по узеньким лондонским улицам. С чего вдруг такая спешка? Что это за важный звонок, который она так боится пропустить? На ее лице застыло озабоченное выражение. И лишь когда мы переступаем порог ее дома, она расслабляется. Как ни забавно, в тот же самый миг меня начинает слегка подташнивать. Мне не следовало бы здесь находиться. Совершенно не следовало бы.

— Еще целых десять минут, — с улыбкой говорит она. — Проходи.

Дом у них очень красивый. Просто роскошный. Деревянные полы — добротная толстая дубовая доска, не дешевый ламинат — в коридоре, сбоку ведет на второй этаж изящная лестница. Это дом, в котором легко дышится. Прохладный воздух, основательные старые стены из кирпича. Этот дом простоял более ста лет и без труда простоит еще столько же.

Заглядываю в одну из комнат и понимаю, что это кабинет. Письменный стол у окна. Шкаф с документами. Мягкое кресло. Книги на полках, все как на подбор толстые тома в солидных переплетах, никакого легковесного чтива. К кабинету примыкает уютная гостиная, со вкусом обставленная, но не загроможденная. Светлая и просторная. И нигде ни пылинки. Сердце у меня колотится так сильно, что начинает стучать в висках. Я чувствую себя так, как будто вторглась на чужую территорию. Что подумал бы Дэвид, узнай он, что я тут побывала? Пить кофе с его женой — одно дело, а заявиться к нему в дом — совершенно другое. Возможно, он счел бы оба варианта одинаково безумными. Да и Адель тоже, знай она, что было между мной и Дэвидом. Она возненавидела бы себя за то, что пригласила меня в свой дом. И меня тоже возненавидела бы. Но хуже всего то, что здесь, где у меня нет совершенно никакого права находиться, меня охватывает острая тоска по *мужчине-из-бара*. Я не хочу, чтобы он ненавидел меня. Придется все ему рассказать. Выложить все начистоту.

Господи, какая же я идиотка. Нельзя было позволять всей этой истории с Аделью зайти так далеко. Но что мне делать сейчас? Не могу же я вот так взять и уйти. Придется остаться на обед, как договорились. К тому же она мне нравится. Она милая. Ни капли не заносчивая и не высокомерная.

— А, вот он где!

Я прохожу следом за ней на кухню; размером она со всю мою квартиру и стоит, наверное, примерно столько же. Гранитные столешницы отполированы до блеска; нигде ни пятнышка, ни следа от кружки. Адель берет в руки маленькую черную «Нокию». Почему у нее такой допотопный телефон? В этом шикарном доме он выглядит чем-то чужеродным. И к чему была эта паническая спешка?

— У тебя все в порядке? — спрашиваю я. — Что такого страшного в том, чтобы пропустить чей-то звонок? Это что-то важное?

— Ой, это прозвучит глупо. — Ее плечи слегка поникают, и она принимается наливать

воду в чайник из фильтр-кувшина, чтобы не смотреть на меня. — Я жду звонка Дэвида. Он волнуется, если я не беру трубку, когда он звонит.

Я в замешательстве:

— Но откуда ты знаешь, что он позвонит?

— Потому что он звонит каждый день в одно и то же время. Он беспокоится, вот и все.

Мой дискомфорт от пребывания в их доме, мучительные чувства к Дэвиду — все это как рукой снимает, и я во все глаза смотрю на нее. Эта прекрасная, элегантная молодая женщина в панике несется домой, чтобы не пропустить звонок от мужа?

— Ты должна быть дома, когда он тебе звонит? И как часто это происходит?

— Все не так, как кажется, — говорит она, глядя на меня с мольбой в глазах. — Он звонит всего пару раз в день. И у меня есть мобильник, так что теперь я не обязана быть дома.

Что это — паника или страх? Такое чувство, как будто я получила оплеуху. Что я вообще знаю о Дэвиде? Всего один пьяный вечер — и на этом основании я выстроила весь его характер. В своем воображении. Вспоминаю, в каком плохом настроении он был вчера. Этого в моем образе Дэвида не было. Жены у него, впрочем, не было тоже.

— Это хорошо, — говорю я вслух, складывая руки на груди. — Потому что со стороны это производит впечатление помешательства на тотальном контроле.

Она вспыхивает и кладет в чайник несколько пакетиков мятного чая.

— Он просто хочет быть уверенным, что со мной все в порядке.

— Зачем? — спрашиваю я. — Ты взрослая женщина.

Телефон начинает пиликать, и мы обе как по команде вздрагиваем.

— Может, не будешь брать трубку? Перезвонишь ему потом.

Она смотрит на меня огромными глазами, полными нескрываемого беспокойства, и мне становится стыдно. Это не мое дело. Я улыбаюсь:

— Я просто пошутила. Я буду молчать.

Она торопливо выскакивает в коридор, прижав к уху трубку. Дождавшись, когда вскипит вода, заливаю кипяток в чайник. Из кухни не очень хорошо слышно, но если прислушаться, то можно разобрать обрывки разговора. Теперь я в самом деле чувствую себя как человек, вторгшийся на чужую территорию, но ничего не могу с собой поделать. Любопытство сильнее меня. Слишком уж все это странно. Может, Дэвид ее чуть старше, но не настолько же, чтобы взять на себя роль отца. До меня доносится ее голос:

— Я помню. Сейчас приму. Я просто только что вернулась из спортклуба. Нет, все в порядке. Я заваривала чай. Я люблю тебя.

Что скрывается в этом голосе? Страх? Ничего особенного? Неловкость? Сложно сказать, очень сложно. Может, они всегда так друг с другом разговаривают. Когда она возвращается, я раздумываю, не выскочить ли мне в садик покурить. За время их разговора я не слышала ни одного смешка, но выглядит она намного спокойнее.

— Я заварила чай, — говорю я.

— Отлично. — Она явно не собирается возвращаться к разговору о звонке, а я не спрашиваю. — Возьми вон в том шкафчике тарелки. В холодильнике есть хумус, холодное мясо и очень вкусные фаршированные перцы.

Пока я замороженно разглядываю яства, скрытые в недрах их огромного дорожущего холодильника из нержавеющей стали, она вынимает из хлебницы несколько лепешек питы и украдкой открывает маленький настенный шкафчик. Я оглядываюсь на нее и замираю.

— Ух ты, ничего себе у вас запас лекарств.

— О, у меня легкое тревожное расстройство. — Она поспешно прикрывает дверцу. —

Такая уж я, видимо, родилась нервная. Поэтому я так и люблю спорт. Помогает расслабиться.

— И сколько таблеток в день ты принимаешь?

На полочке лежала куча пачек с таблетками, а я придерживаюсь мнения, что лекарства в больших количествах не идут на пользу никому.

— Одну-две. Сколько Дэвид пропишет. Попозже приму. Не на голодный желудок.

Она явно чувствует себя неловко, но мои мысли всегда написаны у меня на лбу. Она производит впечатление совершенно нормального человека. А вот все эти телефонные звонки и таблетки нормальными мне не кажутся. Да еще и ее муж ей сам их выписывает. Не уверена, насколько это соответствует медицинской этике. Внезапно меня охватывает острое желание очутиться где-нибудь подальше отсюда. Не надо мне было на все это соглашаться. Я-то воображала, что у них чудесный, идеальный брак, но теперь, даже увидев этот великолепный дом, я не испытываю зависти. Не завидую даже Адели со всей ее красотой и элегантностью. Совсем не завидую. Этот дом производит впечатление позолоченной клетки. Чем она занимается здесь весь день? Может, моя жизнь и похожа на бег белки в колесе, зато я всегда при деле.

— Давай вынесем все это на улицу и поедим на свежем воздухе, — говорит она, и я понимаю, что тема закрыта.

Еда изумительная, после тренировки аппетит у меня волчий, но лучше всего то, что Адель ест вовсе не так, как я себе это представляла. Я-то думала, она из тех женщин, которые объявляют, что объелись, после трех ложек салата, а она набрасывается на еду точно с таким же аппетитом, как и я. Вскоре большая часть принесенного нами съедена, и Адель отправляется на кухню за добавкой хлеба.

— А почему у вас нет детей? — не выдерживаю я.

Не вижу никаких причин, которые мешали бы им их иметь. У них есть деньги, она не работает, и вместе они уже давно.

Адель делает глоток чая, прежде чем ответить:

— Наверное, мы с Дэвидом просто не совпали по времени. Сначала Дэвид хотел, а я была не готова. А теперь все наоборот.

— Биологические часики затикали? — спрашиваю я.

— Наверное. Немного. — Она пожимает плечами. — Но для нас главное — его карьера.

— Для него, возможно, и так, но тебе, наверное, скучно.

Не знаю, зачем я задаю ей все эти вопросы. Не знаю, почему мне хочется помочь ей, но мне этого хочется. В ней есть какая-то беззащитность.

[Купить полную версию книги](#)

Харли-стрит — улица в центре Лондона, на которой традиционно расположены самые дорогие частные клиники. (Здесь и далее примеч. перев.)